

Подъ редакціей Л. Г. Мунштейна (Lolo).

РАМПА и ЖИЗНЬ

№ 39 (52)

1909.

Артуръ Никишъ.

(Съ картины Пастернака).

МОСКВА

Пятница, 25-го декабря 1909 г.

Цѣна отд. № 15 коп.

ОПЕРА С. И. ЗИМИНА ОПЕРА

(театръ Солодовникова).

РОЖДЕСТВЕНСКІЙ РЕПЕРТУАРЪ (съ 26 декабря 1909 г. по 8 января 1910 г.).

26 дек. утр. „ДЕМОНЪ“, веч. „ЗОЛОТОЙ ПЪТУШОКЪ“. 27 дек. утр. „МАЙСКАЯ НОЧЬ“, веч. „ВРАЖЬЯ СИЛА“. 28 дек. утр. „ЦАРЬ-ПЛОТНИКЪ“, веч. „МАЙСКАЯ НОЧЬ“. 29 дек. утр. „ФАУСТЪ“, веч. „ЗОЛОТОЙ ПЪТУШОКЪ“. 30 дек. утр. „РИГОЛЕТТО“, веч. „САМСОНЪ и ДАЛИЛА“. 31 дек. утр. „ЕВГЕНІЙ ОНЪ-ГИНЪ“, веч. „ЗОЛОТОЙ ПЪТУШОКЪ“.

1 янв. утр. „СЕВИЛЬСКІЙ ЦЫРЮЛЬНИКЪ“, веч. „ГУГЕНОТЪ“. 2 янв. утр. „ТРАВИАТА“, веч. „САМСОНЪ и ДАЛИЛА“. 3 янв. утр. „ЦАРЬ-ПЛОТНИКЪ“, веч. „ЗОЛОТОЙ ПЪТУШОКЪ“. 4 янв. утр. „МАЙСКАЯ НОЧЬ“, веч. „КАРМЕНЪ“. 5 янв. спект. нѣтъ. 6 янв. утр. „ФАУСТЪ“, веч. „АИДА“. 7 янв. утр. „ЕВГЕНІЙ ОНЪ-ГИНЪ“, веч. „ЗОЛОТОЙ ПЪТУШОКЪ“.

Начало спект. въ 8 ч. вечера. ⚙ Билеты продают. съ 10 ч. утра до оконч. спектакли.

Дирекція С. И. Зими́на.

ТЕАТРЪ

„ЭРМИТАЖЪ“

ДИРЕКЦІЯ

М. М. Брянской и Я. В. Щукина.

ОПЕРЕТТА

подъ управ. А. А. Брянскаго.

Рождественскій репертуаръ:

26-го дек. **«Ночь любви»**. 27-го, 28-го, 31-го дек., 1-го и 3-го янв. **«На полюсь»**. Новый 4-й актъ „Въ сумасшедшемъ домѣ“. 29-го **«Карлсбадская фея»**, **«Послѣднія новости»**. 30-го **«Принцесса доп-ларовъ»**. 2-го янв. **«Разведенная жена»**. **«Послѣднія новости»**. 4-го янв. бенеф. гл. реж. А. А. Брянскаго: **«Тайны гарема»**.

Капельмейстеръ ЭНГЕЛЬ.

О О

Я. В. Щукинъ.

РЕСТОРАНЪ

„ЯРЪ“

ЗИМНЕЕ ПОМѢЩЕНІЕ.

Концерт. отдѣлен.

съ 10¹/₂ ч. веч.

Ежедневно концертное отдѣленіе: Совершенно новыя программы. Новые дебюты.

1) Оркестръ подъ упр. г. Журановскаго. 2) Венгерскій хоръ М-ше Ауріели. 3) Гг. Лео и Гарри. Комик-пародисты. 4) Г-жа Красинская. Русско-Польская пѣвица. 5) Г-жа Вальрозъ. Французская пѣвица. 6) Дези Долли. Вѣнская пѣвица. 7) Капелла Акварина. 8) Русскій хоръ А. З. Ивановой. 9) Г-жа Ганзи. Вѣнская пѣвица. 10) Сестры Монте. Танцовщицы. 11) Бархатная маска?? Оперная пѣвица. 12) Г-жа Тина Каренина. Декламаторша. 13) Гг. Скали и Скали. Эксцентрики. 14) Массини. Лирическ. пѣвица. 15) Г-жа Сагаріо. Испанск. танцовщица. 16) Квартетъ Лирико. Оперн. пѣвицы. 17) Суси и Проти. Танцы фантазія. 18) Тріо Аузонія. Римскіе гладиаторы.

Режиссеръ ГАРРИ.

КАЗИНО

Тел. 221-73

Б. ДМИТРОВКА,
БЫВШЕЕ ПОМѢЩ.
КУПЕЧЕСКАГО
КЛУБА.

Ежедневно Большіе Концерты-Варьетэ!

Самая изысканная и лучшая программа въ Москвѣ.

„САТАНА и ВЕНЕРА“. Знамен. **Ангела Леско** (арфа). Неср. Баккара. Крас. сестры Андраши. Фоляи. Лисъ. Декадансъ. Орла и др. **Amerikan Bar**. Cabaret-concert. Нач. въ 10 ч. веч. Входъ—1 руб. Безпр. увес. до 4 часовъ утра Ужинъ изъ 3-хъ блюдъ 1 р. 50 к. ⚡ 29-го дек. Маскарадъ „Folle nuit“. Чудеса въ рѣшетъ. Призъ за лучш. дамск. туалетъ. 31-го дек. проводы стар. года. Встрѣча Нового Года. Подарки Objets d'art. Bal-pare. Конкурсы шляпъ.

АВТО-МУЗЫКА

А. БЕРГМАНЪ.

МОСКВА, Мясницкая, д. Сытова. Телеф. 49-06.

Музыкально-механическіе аппараты. ПИАНИНО И РОЯЛИ. ■ НОТЫ для всѣхъ механич. скихъ аппаратовъ: ФОНОЛЫ, ПИАНОЛЫ и друг. ■ ГОТОВЫЯ И НА ЗАКАЗЪ.

АППАРАТЫ для домашняго приготавленія нотъ.

Принимаются пiанино для устройства въ нихъ механическихъ аппаратовъ.

Главное представительство новыхъ механическихъ пiанино „VIRTUOS“.

ВСѢ НОВОСТИ для ЧТЕНІЯ

въ большомъ выборѣ на русскомъ и иностр. яз., научныя пособія для учащихъ высш. и средн. учебн. завед.

Библіотекa „ЗНАНІЕ“

Петровскія линіи. Тел. 249-46.

ПРИБИБЛЮТЕКЪ ИМѢЕТСЯ КНИЖН. МАГАЗИНЪ.

Чернильные миражи. Гальбе. — Театр и печать. — А. И. Южина. — У рампы. (Рождественская бэль). Л. Д. Теплицкаго. — Словарь сценических дѣятелей. Lolo. — Москва. — Мелочи театральной жизни. — Петербург. — Дочь міра. Ганз. — Парижскія письма. В. Бинштока. — Киевскія письма. Я. Майскаго. — Ростовскія письма. Николаева. — Провинція.

РИСУНКИ и СНИМКИ: А. П. Ленскій въ роли Петручіо. — „Синяя птица“ Метерлинка на сценѣ театра Гаймаркэтъ въ Лондонѣ (2 снимка). — „Мессинская невѣста“ на сценѣ „Измайловскаго досуга“. — И. М. Ураловъ. — А. Ф. Горевъ (шаржи Andre'a). — „На всякаго мудреца довольно простоты“ въ Александринскомъ театрѣ. (М. Г. Савина и В. Н. Давыдовъ). — Тангейзеръ у Зимина (3 шаржа И. Малютина). — Н. Ф. Монаховъ (шаржъ И. Малютина). — И. В. Лебедевъ (шаржъ Andre'a). — „Каморра“ Эспозито на сценѣ Киевскаго городского театра. — Г. Долинъ.

ПОСТОЯННЫМИ СОТРУДНИКАМИ „РАМПЫ И ЖИЗНИ“ СОСТОЯТЪ: А. Ардовъ, Т. Ардовъ, Н. М. Архангельскій, В. Базилевскій, Н. Басъ, С. Бирюковъ, Н. Н. Вашкевичъ, Н. Высотскій, В. Н. Гартевельдъ, Э. Гольденвейзеръ, А. С. Грузинскій, Ю. Денике, Н. Г. Еремѣевъ, В. Е. Ермиловъ, Евт. П. Карповъ, І. І. Колышко, А. И. Косоротовъ, В. О. Лебедевъ, Б. О. Лебедевъ (Лондонъ), А. Н. Лепковская, М. О. Лиллардопуло, Lolo, Лоэнгринъ, Як. Львовъ, Г. С. Макриди, С. С. Мамонтовъ (Матовъ), Э. Э. Маттернъ, Вл. И. Немировичъ-Данченко, А. М. Пазухинъ, И. С. Платонъ, С. О. Плевако, А. А. Плещеевъ, И. И. Поповъ, Ник. Ал. Поповъ, В. В. Протопоповъ, С. Д. Разумовскій, П. А. Сергѣенко, А. А. Смирновъ, Н. Соловьевъ, Л. А. Суллержицкій, кн. А. И. Сумбатовъ (Южинъ), Н. Д. Телешовъ, Н. И. Тимковскій, Н. Урванцовъ, В. Хавкинъ, М. Шикъ, И. О. Шмидтъ (Рудниъ), Н. Е. Эфросъ, Сергѣй Яблоновскій, Д. Д. Языковъ; художники: В. П. Дриттенпрейсъ, Н. П. Крымовъ, Н. Сапуновъ, С. Ю. Судейкинъ, Г. Б. Якуловъ, Andre, И. Малютинъ, Д. Мельниковъ, Г. Рабиновичъ и друг.

Въ слѣдующемъ (новогоднемъ) номерѣ будутъ помѣщены статьи: Т. Ардова, С. С. Мамонтова, А. И. Сумбатова (Южина), Н. Е. Эфроса, Сергѣя Яблоновскаго и друг.

Москва,

25 декабря 1909 г.

Чернильные миражи.

Не вѣсть дано „брать жизнь и творить изъ нея легенду“. Зато взять чернила и сотворить изъ нихъ легенду — занятіе по нашимъ временамъ достаточно доступно; теперь всѣ „владѣютъ перомъ“. Да простить намъ г. Ге, такъ хорошо владѣющій перомъ: въ его послѣднихъ произведеніяхъ — статьяхъ о „Корпорациі и цензѣ“ — куда больше чернилъ, чѣмъ жизни.

Опасная вещь — слово. Это строптивый и норовистый конь, который часто уноситъ неопытнаго или зазѣвавшагося всадника за предѣлы логической досягаемости. Опасная вещь — перо. Оно объ одномъ концѣ, но — у этихъ страшныхъ вещей своя логика — въ то же время и о двухъ концахъ; и опаснѣе всего конецъ, обращенный къ тому, кто владѣетъ перомъ и, кто „хорошо владѣетъ перомъ“. А чернила? Недаромъ на чернилахъ гадаютъ; недаромъ въ ихъ непроницаемой, блестящей глубинѣ для „вѣщаго ока“ рѣютъ видѣнія будущаго...

Г. Ге, вы долго смотрѣли въ свою чернилницу? Вѣрю этому, но хотѣлъ бы думать, что ваше вѣщее око васъ обмануло, что истина не открылась вамъ въ чернилахъ, а то слишкомъ ужъ страшно. За человѣка страшно.

Помилуйте! По вашимъ словамъ, актерская братія на Руси состоитъ изъ небольшой горсти „хорошихъ актеровъ“*), иначе говоря, „монументовъ на площади, покрытой толпой“, и остальной массы — „нахаловъ и нахалокъ „изъ публики“, отъ толпы, въ луч-

шемъ случаѣ могущихъ быть недурными сотрудниками“, людей, только подражающихъ актеру, для чего „совершенно достаточно обладать нѣкоторымъ запасомъ нахальства“. Затѣмъ существуютъ еще режиссеры. „Режиссеръ въ наше время — это по большей части бездарный актеръ съ огромнымъ аппетитомъ и самолюбіемъ“. Сначала онъ держитъ антрепризу, гдѣ „играетъ роли по своему выбору“, „затѣмъ прогораетъ и довольствуется только режиссерствомъ“. „Впрочемъ, попадаютъ въ режиссеры и непосредственно изъ актеровъ“. Конечно, попадаютъ „нахалы“ послѣ „предварительнаго лакейства передъ антрепренеромъ“. Молва, что для актрисы „дорога на сцену ведетъ черезъ спальню режиссера“, „безошибочна“! Г. Ге, вы выражаете готовность „засвидѣтельствовать“ это, „дѣлая исключеніе для выдающихся талантовъ и для актрисъ съ деньгами“, пробивающихъ себѣ дорогу взятками. Охъ! Впрочемъ, вы находите извиненіе для негениальныхъ и небогатыхъ актрисъ, находите его и для „большей части режиссеровъ“. Актрисы невиноваты, потому что „виноваты ли колеса, что бѣгутъ по колеямъ?“ Режиссеры — потому что „чѣмъ виноватъ мерзавецъ, если ему позволяютъ дѣлать мерзости“. О, г. Ге! Вы умѣете одновременно быть и безпощаднымъ и милостивымъ.

Итакъ, съ одной стороны, небольшое количество монументовъ, съ другой — армія нахаловъ и мерзавцевъ. Вотъ ужасъ-то гдѣ!

Гдѣ же выходъ? Гдѣ спасеніе? Г. Ге указываетъ единственный выходъ, единственное средство очистить сцену отъ „трутней, воровъ, навіановъ и прочихъ искателей дешеваго хлѣба и безплатныхъ гаремовъ“. Этотъ выходъ, это спасеніе: цензъ и корпорация!

Бутафоръ, подай лавровый вѣнокъ! Хотя мы это слышали сто разъ изъ ста устъ, давай вѣнокъ!

Правда, существуетъ препятствіе. Кромѣ школы при Императорскомъ театральномъ училищѣ (и Суворинской; отъ сужденія о ней г. Ге пока воздерживается: молодо-зелено), всѣ остальные драматическіе курсы, училища и т. д. только „беззастѣнчиво грабятъ молодежь“ и преподаютъ „одну лишь важную сценическую науку: умѣть приспособляться, умѣть такъ стучать, чтобы двери открылись...“ Такихъ продуктовъ современной школы 95%, а то и больше! „Разумѣется“, снисходительно замѣчаетъ милостивый г. Ге, это „лучше, чѣмъ леди и джентльмены изъ кафе-де-Пари“. Но безпощадный г. Ге не согласенъ

*) Курсивомъ мы отмѣтили цитаты изъ статьи г. Ге.

А. П. Ленскій въ роли Петручіо
(„Укрощеніе строптивой“).

Съ портрета работы Крамского.

на компромисс. Его планъ цѣленъ, законченъ, единъ. Его корпорація должна родиться во всеоружіи, какъ Афина Паллада изъ головы Зевса.

Итакъ, прежде всего создается въ главныхъ городахъ Россіи сѣтъ корпоративныхъ школъ. Преподаватели ихъ должны обладать преподавательскимъ цензомъ, приобретаемымъ путемъ экзамена при корпоративной школѣ Москвы или Петербурга, пока нѣтъ высшаго художественнаго училища. Ученикъ, получившій аттестатъ объ окончаніи корпоративной школы, становится корпорантомъ. Ему выдаютъ корпоративную книжку, куда совѣты корпоративныхъ труппъ заносятъ его сценическій репертуаръ, „замѣчанія, штрафы и т. д.“.

Пока остановимся на этомъ. Невольно мнѣ рисуется потрясающая сцена. Юный корпорантъ Блистановъ-Сіяльскій, дрожа и блѣднѣя, представляетъ корпоративному паспортисту свою корпоративную книжку для прописки въ корпоративной труппѣ города Тмутарканска.

— Корпорантъ Блистановъ - Сіяльскій, въ вашу книжку внесено слишкомъ много замѣчаній за прошлый сезонъ. Потрудитесь дать объясненія?

— Ввва-шество, я... я... меня... меня... мы...

— Прошу говорить членораздѣльно.

— Въ прошломъ году... корпорантъ Сальвини-Росси... председатель... Гамлетъ... преслѣдовалъ... изъ-за Гамлета... мы... я...

— Вы хотите сказать, что уважаемый товарищъ Сальвини-Росси васъ—гм!—преслѣдовалъ... Такъ вы выразились? Преслѣдовалъ...

— Я... да... я... Онъ... режиссеръ...

— Прежде всего, уважаемый товарищъ не былъ режиссеромъ, а исполнялъ функции, возложенныя на него корпоративнымъ совѣтомъ. Затѣмъ, слово „преслѣдовалъ“... Да понимаете ли вы, что вы сказали?

— Я... я... я...

— Наконецъ, замѣчанія вноситъ не председатель совѣта, а совѣтъ. Вы не усвоили себѣ принциповъ корпораціи. Я внесу ваше дѣло въ совѣтъ. Долженъ васъ предупредить, оно плохо, очень плохо.

— Я... я... я...

— Можете идти. Рѣшеніе будетъ вынесено черезъ недѣлю.

Черезъ годъ корпоранта Блистановъ-Сіяльскаго корпоративный судъ осудилъ за подкиски и подлоги въ его корпоративной книжкѣ. Онъ передѣлалъ поставленную ему за Чацкаго единицу въ четверку.

Бррр! Вчужѣ страшно.

Но къ дѣлу: отъ перспективъ къ плану. Каждая группа выбираетъ корпоративный совѣтъ, который, разумѣется, держитъ антрепренера въ ежовыхъ рукавицахъ подъ страхомъ всероссійскаго бойкота, затѣмъ изничтожаетъ режиссера (у, бука!) и, наконецъ, заноситъ „замѣчанія, штрафы и т. д.“ въ книжки корпорантовъ. Все стройное зданіе увѣнчивается Главнымъ Совѣтомъ, который пребываетъ „въ Москвѣ и Петербургѣ, какъ московскомъ отдѣленіи (?)“. Главный Совѣтъ казнить антрепренеровъ и корпорантовъ. Вообще предполагается нѣчто чрезвычайно могущественное и страшное: венеціанскій совѣтъ десяти, никакъ не менѣе. Иначе г. Ге несогласенъ.

Средства корпораціи? О, какіе пустяки! Бутафоръ, скорѣе золота, кредитныхъ билетовъ! И еще вѣнокъ! Два вѣнка! Во первыхъ „поофишный сборъ“, установленный государственной властью въ пользу корпораціи,—два съ половиною милліона въ годъ. Затѣмъ обязательные вычеты изъ жалованья (эмеритура), спеціальныя спектакли, пожертвованія и т. д. Вѣдь это милліоны, милліоны...

Нѣсколько лѣтъ, и всѣ театры переходятъ въ собственность корпораціи, „касса каждаго театра будетъ только отдѣленіемъ Центрального Казначейства. Корпоранты будутъ получать годовое жалованье и будутъ обезпечены пенсіей (по выслугѣ 20 лѣтъ). Прогаровъ быть не можетъ, такъ какъ нехватка одного театра пополнится за счетъ другихъ изъ Центрального Казначейства“.

„Города подраздѣляются на разряды сообразно своему бюджету; корпоранты также подраздѣляются на разряды, сообразно получаемому жалованію. Переходъ изъ разряда въ разрядъ дѣлается черезъ опредѣленное минимальное число лѣтъ по конкурснымъ спектаклямъ въ городахъ перваго разряда“.

Это, впрочемъ, уже не планъ, а, по мѣткому выраженію г. Ге, мечты.

Да, пріятно помечтать.

Сидишь за письменнымъ столомъ и въ облакахъ табачнаго дыма видишь счастливое лицо добродѣтельнаго товарища негодяя Блистановъ-Сіяльскаго, этого милаго корпоранта Гремина-Стрѣльскаго пенсионера корпораціи и преподавателя корпоративной школы въ Ташкентѣ. Онъ съ веселой улыбочкой читаетъ своему сыну Витенькѣ, ученику корпоративной школы, выдержки изъ своего формуляра, и Витенька, пропитываясь принципами, съ упоеніемъ слушаетъ, какъ папа черезъ минимальное число лѣтъ былъ переведенъ изъ Карачева въ Корчеву, потомъ изъ Корчевы въ Красноуфимскъ, потомъ въ Кинешму, въ Калязинъ, въ Кашинъ и, наконецъ, дослужившись до пенсіи, сдѣлалъ экзаменъ на преподавателя.

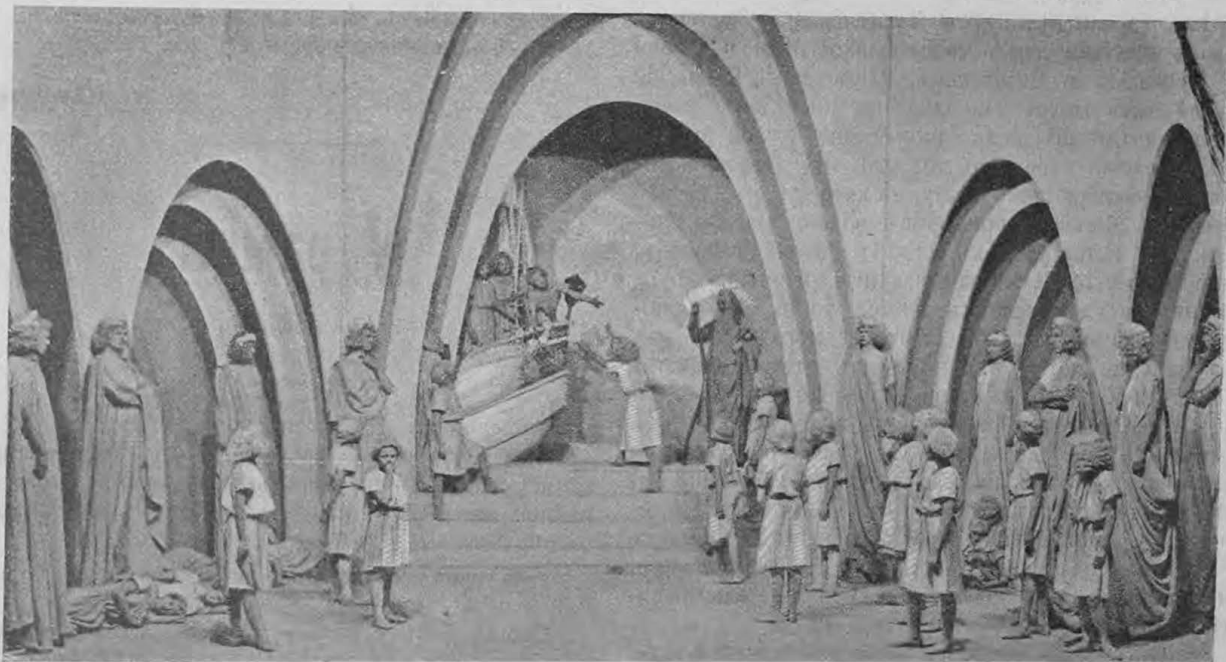
Аркадія! А что, братъ Аркашка, хочешь въ эту Аркадію? Нѣтъ? Г. Ге, кажется, онъ не хочетъ!

Но дѣло не въ желаніи или нежеланіи Аркаши, а кое-въ-чемъ другомъ.

Вы взываете къ актерамъ, г. Ге, чтобы устранить современный порядокъ вещей, который вы такъ сурово заклеили и осудили. Вы говорите: въ существующемъ положеніи „виноваты всѣ мы, актеры, не сумѣвшие до сихъ поръ изолировать себя отъ мерзавцевъ и разбойниковъ“. Кто это „мы“, г. Ге? Конечно, не „нахалы и нахалки“, не „мерзавцы и разбойники“? Не такъ ли?

Между тѣмъ вы предлагаете, чтобы „членами кор-

„Синяя птица“ Мориса Метерлинка на сценѣ театра Гаймаркэтъ
въ Лондонѣ.

Лазурное царство.

пораціи со дня ея открытія“ стали „всѣ сценическіе дѣятели, уже работающіе на сценѣ не меньше 5 лѣтъ примѣрно“. Иначе, конечно, и быть не можетъ. Но „вѣдь“ это и „мерзавцы“, и „разбойники“, и „нахалы“, и „нахалки“. Устранена, значить, будетъ лишь молодежь, которая частью все-таки „лучше, чѣмъ леди и джентльмены изъ кафе де-Пари“?

Чего же вы достигнете? Что улучшите? Что будетъ значить ваша „горсть хорошихъ актеровъ“? Кто войдетъ въ ваши совѣты, кто будетъ давать ходъ въ ваши школы и т. д., и т. д.? Отвѣтъ ясенъ.

Такъ-то, г. Ге. Опасно творить легенды изъ чернилъ. Жизнь многоцвѣтна, а чернила только черны: не такъ черно и настоящее, какъ оно представилось вамъ въ вашей чернильницѣ¹⁾. А будущее, планы, перспективы... Г. Ге, какой-то злой шутникъ подлилъ вамъ копировальныхъ чернилъ. Этому вы обязаны тѣмъ, что корпорація такъ напоминаетъ старья утопіи забытыхъ подражателей Томаса Мора, ихъ нумерованныхъ и штемпелеванныхъ счастливыхъ людей гряздущаго золотого вѣка.

Г. Ге, берегитесь обаянія чернилъ, а копировальныхъ въ особенности.

Гальбе.

Театръ и печать*).

Я личнымъ опытомъ знаю, какое огромное вліяніе имѣетъ періодическая печать на духъ труппы и въ особенности на отдѣльныхъ лицъ, которыхъ она поощряетъ въ томъ смыслѣ, какъ говорятъ въ народѣ: „Господь посѣтилъ“, то-есть обрушились всѣ громы. Это самая опасная брешь въ нашей крѣпости, самый

¹⁾ Между прочимъ, вы забыли о Союзѣ сценическихъ дѣятелей. Странная забывчивость! Тамъ пытаются дѣлать дѣло, не такое „грандіозное“, а все же дѣло.

^{*)} Изъ рѣчи А. И. Южина (кн. Сумбатова) произнесенной передъ труппой Малаго театра въ началѣ сезонѣ.

беззащитный ея пунктъ, самое уязвимое наше мѣсто. Иллюстрировать примѣрами этого не надо: у каждого изъ насъ при этихъ словахъ живо воскресаютъ яркія и довольно меланхолическія иллюстраціи. Всѣми силами, всѣми способами боритесь противъ угнетающаго вліянія на вашъ духъ этихъ явленій. Не давайте имъ одолевать себя. Тѣ упреки, которые, по зрѣломъ размышленіи, успокоившись, вы найдете хотя бы и выраженными въ обидной формѣ, но правильными, примите къ своему свѣдѣнію. Что вы найдете неправильнымъ, невѣрнымъ, забудьте, выбросьте изъ души. Ничего нѣтъ ужаснѣе и вреднѣе, какъ неубѣжденность въ томъ, что дѣлаешь, и если я недавно говорилъ, что даже режиссеръ не въ правѣ посягать на таинство творчества иначе, какъ помощью акушера, то тѣмъ болѣе нельзя въ это святилище допускать всякаго, кто взялъ себѣ это право, благодаря обилію періодическихъ изданій. Для меня лично нѣтъ ничего грустнѣе, какъ когда я слышу отъ кого-нибудь изъ товарищей: „а вотъ такой-то рецензентъ, имя рекъ, говоритъ то-то“. Если вы съ имярекомъ согласны, внутренно, художественно согласны, сдѣлайте то измѣненіе, которое сочтете нужнымъ въ вашей интерпретаціи. Если нѣтъ, отбросьте и память объ этомъ. Прислушиваться художнику надо ко всему, исполнять только то, что приняла его душа. Не бойтесь несправедливыхъ, пристрастныхъ, язвительныхъ нападокъ: если въ нихъ нѣтъ правды въ основѣ, онѣ безвредны. Посмотрите на знаменитѣйшія имена нашего дѣла: всѣ не разъ, а десятки разъ въ своей жизни пережили такую озлобленную несправедливую травлю, такой градъ насмѣшекъ, такую, попросту говоря, бурю ругани, клеветы, вышучиваній, смѣшиванія съ грязью и очень часто тенденціознаго замалчиванія годами, десятилѣтіями, которое тяжелымъ неизгладимымъ мракомъ окутало ихъ душу, можетъ быть, озлобило, истерзало ихъ, но не могло отнять у нихъ ни крупницы ихъ дарованія, положить ничтожную тѣнь на то великое, что они сдѣлали. Эта потребность грязнить крупное, большое вовсе не есть специальное свойство печати. Печать — только такое же орудіе, какъ языкъ: сред-

ство проявить свою душу. Не будь печати, людская мразь нашла бы другое оружие — доносъ, сплетни, клевету, — все то, чѣмъ сильны въ жизни большіе и малые Яго и Донъ-Базиліо.

Но что ни дѣлали съ Тургеневымъ, Тургеневъ сдѣлалъ все-таки свое и свое великое. Что ни дѣлали съ Шумскимъ и Садовскимъ, Шумскіе и Садовскіе создали намъ театръ. Ни одна изъ послѣднихъ пьесъ Островскаго не шла безъ самой безпардонной ругани. Но Островскій вѣрилъ въ то, что онъ дѣлалъ, и создалъ изъ своихъ пьесъ скалу, на которую мы сейчасъ опираемся. Милліоны примѣровъ можно было бы привести изъ исторій всѣхъ странъ, всѣхъ народовъ, всѣхъ профессій. Если взять газетную репутацію крупнѣйшихъ государственныхъ людей, то ни одна молодая дѣвушка не могла бы выйти за кого-нибудь изъ нихъ замужъ, потому что ни одинъ отецъ семейства не пустилъ бы его въ свой домъ по его газетной славѣ. Прежде ругали только насъ, художниковъ всѣхъ сортовъ, да еще адвокатовъ. Остальные классы были подъ опекой. Теперь настало крупное облегченіе нашей участи: исключительная привилегія быть оплеванными у насъ отнята, и мы сравнены въ правахъ съ другими сословіями, то-есть они сравнены съ нами. Мы, впрочемъ, не будемъ отстаивать этой привилегіи.

Будемъ горячо благодарить печать за всякую симпатію, за всякое безпристрастное, хотя бы и строгое, указаніе нашихъ недостатковъ, чутко прислушиваться ко всему, что *продиктовано любовью къ нашему дѣлу и къ нашему труду*. На все, что *продиктовано въ печати другими побужденіями*, часто исходящими совсѣмъ не изъ газетной среды, мы можемъ возразить только и исключительно *убѣжденной и неутомимой работой и ея результатами*. Въ этомъ единственная защита и опора *всѣхъ насъ, каждаго изъ насъ и самого театра*. Ничего нѣтъ постыднаго, если выругаютъ, вышутятъ, высмѣютъ, не на дуэль же вызывать, въ самомъ дѣлѣ. Постыдно, когда это разслабляетъ наши силы, когда это подрываетъ нашу вѣру въ дѣло, нашу энергію, а особенно, когда это радуется однимъ и служить орудіемъ другихъ въ средѣ, кишашей вокругъ всѣхъ театровъ. Если мы, въ нашемъ театрѣ, будемъ работать, если будемъ любить и беречь душу каждаго изъ насъ, мы сумѣемъ парализовать эти злыя силы лучше, чѣмъ всякими возраженіями и выступленіями. Корректно и сдержанно будемъ относиться къ

„Синяя птица“ Мориса Метерлинка
на сценѣ театра Гаймаркэтъ въ
Лондонѣ.

У дворца феи Берипюны.

могучей силѣ печати. Не будемъ чуждаться ея, такъ какъ не печать, а дурные соки всего организма, окружающаго печать и театръ, вызываютъ эти эксцессы. Та же печать даетъ и много поддержки лучшимъ нашимъ начинаніямъ. А, главное, будемъ вѣрить, что дѣло, какъ жерновъ, перемелетъ все.

А. И. Южинъ.

У рампны.

(Рождественская бѣль.)

Эскизъ.

Это было въ 188* году.

Еще не прошло и трехъ часовъ съ того времени, какъ Сергѣй Гунинъ шагаль по тусклой и сырой тюремной камерѣ и вдругъ услышалъ зычный крикъ надзирателя:

— Гунина свести въ контору, изъ сорокъ восьмой камеры!..

Сергѣй былъ удивленъ, не зная, зачѣмъ его такъ рано зовутъ, и еще болѣе удивился, когда начальникъ тюрьмы, смотрѣвшій всегда звѣремъ, обратился къ нему съ непріятной дѣланной улыбкой и поздравилъ его съ освобожденіемъ.

— Какъ разъ подъ Рождество, — съ такимъ же дѣланнымъ умиленіемъ пробасилъ начальникъ, — желаю вамъ весело встрѣтить праздникъ.

Сергѣй ничего не отвѣтилъ, подождать, пока ему принесли изъ камеры его вещи, и, получивъ ихъ, онъ быстро вышелъ изъ конторы.

Въ подворотнѣ его въ послѣдній разъ обыскали, къ чему онъ теперь отнесся какъ-то безучастно. Онъ выбѣжалъ на улицу, подошелъ къ случайно очутившемуся здѣсь извозчику и поѣхалъ домой, т.-е. къ брату Владиміру, занимавшему комнату на окраинѣ города.

Брата Сергѣй не засталъ и, оставивъ на столѣ записку, пошелъ побродить по городу, подышать вольнымъ воздухомъ, взглянуть на „все“ небо, увидѣть людей, увидѣть жизнь, которыхъ онъ такъ давно, больше года, не видѣлъ.

Теперь Сергѣй возвращался домой, все время перебирая въ памяти событія послѣдняго года. О нѣкоторыхъ своихъ товарищахъ по кружку у него были свѣдѣнія, о другихъ онъ ничего не зналъ.

И вдругъ мысль его остановилась на одномъ изъ товарищей, Оскольскомъ, прозванномъ въ кружкѣ „осколкомъ“.

Кличка была, дѣйствительно, удачна. Оскольскій, участвуя въ кружкѣ, былъ ему совершенно чуждъ. Онъ не вѣрилъ въ то, во что вѣрили его товарищи. Его влекло къ театру, о которомъ онъ всегда говорилъ съ энтузіазмомъ.

— Я ни во что не вѣрю, — вскрикивалъ онъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, — я вѣрю только въ искусство, въ театръ. Только искусство можетъ дать счастье человѣчеству. Я брошу все и пойду на сцену... Я умру у рампны!..

И онъ бросилъ все.

Куда онъ исчезъ, никто не зналъ. Но когда кружокъ „провалился“ и восемь его участниковъ были „взяты“, Оскольскаго уже среди нихъ не было.

Сергѣй вспомнилъ о немъ и мысленно спросилъ:

— Гдѣ теперь этотъ чудакъ? Что съ нимъ? Какъ бы я хотѣлъ его повидать...

II.

Сергѣй очень любилъ Оскольскаго, и хотя не раздѣлялъ „вѣры“ своего друга, но и не осуждалъ его. Онъ самъ очень любилъ театръ, любилъ актерскую братію и не разъ приходилъ на выручку маленькимъ актерамъ, которые къ концу сезона, по обыкновенію, оставались безъ гроша въ карманѣ, не имѣя, на что прокормиться или переѣхать куда-нибудь въ глухую провинцію на „лѣтній сезонъ“.

Мелкая актерская братія его очень любила и никогда не оставляла въ покоѣ. А онъ былъ вѣчно занятъ сборомъ денегъ то для одного, то для другого маленькаго актера.

Вспоминая обо всемъ этомъ, Сергѣй вернулся домой.

Владиміръ, еще недавно пережившій то же, что и Сергѣй, только что вернулся съ урока и едва успѣлъ пробѣжать взятую со стола записку, какъ прислуга, маленькая хохлушка, принесла ему письмо на имя Сергѣя.

Письма этого Владиміръ уже не вскрылъ и былъ доволенъ, что ему не придется думать, какъ бы содержаніе письма какъ-нибудь передать Сергѣю въ тюрьму.

Письмо было изъ маленькаго городка Б., гдѣ на зиму сорганизовалась небольшая труппа, на половину знакомая Сергѣю. Письмо было написано вычурно, цвѣтисто, но искренно. „Труппа“ окончательно прогорѣла, „антрепренеръ“ — театральныи проходимецъ — удраля, оставивъ десять человѣкъ безъ хлѣба и крова. И каково было изумленіе Сергѣя, когда онъ изъ письма узналъ, что среди этихъ несчастныхъ находится и его милый чудакъ Оскольскій.

— Вотъ тебѣ и рампа! — съ грустной усмѣшкой произнесъ про себя Сергѣй: — да, такъ ты, дѣйствительно, умрешь у рамы...

Сергѣй опустился на стулъ и задумался.

Владиміръ еще не зналъ, въ чемъ дѣло, и только по сжатымъ губамъ и напряженному взгляду Сергѣя видѣлъ, что тотъ намѣренъ что-то предпринять.

Прошло нѣсколько минутъ молчанія, и затѣмъ Сергѣй въ нѣсколькихъ словахъ разсказалъ Владиміру, въ чемъ дѣло, и рѣшилъ ночью же поѣхать въ Б., повидаться съ Оскольскимъ и отвезти туда, сколько удастся, денегъ, чтобы дать возможность несчастнымъ выѣхать изъ трущобы, въ которой они застряли.

Сергѣй вмѣстѣ съ Владиміромъ отправился въ городъ, и почти весь день ушелъ на посѣщеніе разныхъ театраловъ и мелкихъ „меценатовъ“, среди которыхъ имъ удалось собрать, сверхъ ожиданія, порядочную сумму.

Въ полночь Сергѣй съ Владиміромъ пріѣхали на вокзалъ, гдѣ Сергѣй едва успѣлъ купить билетъ и сѣсть въ вагонъ.

Владиміръ съ нимъ простился и просилъ поскорѣе вернуться.

Сергѣй въ отвѣтъ улыбнулся и проговорилъ: — Я, Володя, не задержусь тамъ. Повидаюсь съ Оскольскимъ, отдамъ имъ деньги и сейчасъ же вернусь.

Ударилъ третій звонокъ, и поѣздъ ушелъ. Владиміръ направился къ выходу, сопровождаемый косымъ взглядомъ огромнаго станціоннаго жандарма.

III.

Уже было довольно свѣтло, когда Сергѣй пріѣхалъ въ Б. Онъ пошелъ по первой улицѣ, думая у кого-нибудь узнать, гдѣ ютится „труппа“. По пути ему попалась какая-то баба, несшая въ мѣшкѣ отчаянно визжавшаго поросенка, должно быть разбу-

дившаго весь спавшій городокъ. Не разсчитывая на успѣхъ, Сергѣй отъ нечего дѣлать остановилъ бабу и спросилъ, гдѣ тутъ живутъ актеры.

Баба, оказалось, знала и это.

— Ось тамъ, коло кіатру, у сынїи хати, — отвѣтила она скороговоркой по-малороссійски.

Сергѣй направился къ синему домику.

Не зная, куда войти, онъ подошелъ къ сколоченной изъ старыхъ досокъ самодѣльной двери какой-то маленькой пристроечки, предназначенной, очевидно, для домашнихъ животныхъ.

Сергѣй толкнулъ дверь и остановился на порогѣ, пораженный. На грязномъ полу, безъ всякой подстилки лежало два молодыхъ человѣка, прижавшихся къ огромной, старой собакѣ, лежавшей между ними. Въ одномъ изъ нихъ Сергѣй узналъ маленькаго актера съ громкимъ псевдонимомъ „Горевъ“; другого онъ не зналъ.

„Мессинская невѣста“ Ф. Шиллера на сценѣ „Измайловскаго досуга“.

Юноши съ дарами.

Они оба проснулись и, сконфуженные, старались сдѣлать непринужденную улыбку, обратить „все“ въ пустякъ.

Сергѣй имъ помогъ и сдѣлалъ такую же „непринужденную“ улыбку.

Вскорѣ завязался разговоръ. Горевъ сталъ разсказывать Сергѣю о пережитыхъ невзгодахъ, а товарищъ его, Брагинъ, поспѣшилъ въ домикъ, чтобы разбудить четырехъ дамъ, спавшихъ въ одной крошечной комнаткѣ, и еще трехъ „основныхъ“ актеровъ, спавшихъ въ другой крошечной комнаткѣ вмѣстѣ съ сыномъ хозяйки — мѣстнымъ „любителемъ“ Болдинымъ. Сергѣй внимательно выслушалъ начало повѣствованія Горева и перебилъ его вопросомъ:

— А что же Оскольскій? Гдѣ онъ?

Горевъ небрежно отвѣтилъ не словами, а жестомъ безнадежности.

— Что это значить?... Скажите, онъ живъ?..

— Живъ-то живъ, да толку изъ него не будетъ. Втюрился какъ мальчишка въ нашъ „патлажанъ“ и голову потерялъ.

— Какой патлажанъ? Въ чемъ дѣло?..

— Это такъ у насъ прозвали нашу „героиню“. Она бабенка ничего, видная, красивая. Только носъ съ синеватымъ отливомъ. Вотъ мы ее и обозначили:

Художественный театр.

И. М. Ураловъ.

Шаржъ Andre'a.

патлажанъ. Вотъ въ эту-то Юлію нашъ Ромео и врѣзался. Сперва все шло хорошо, честь-честью. Онъ вздыхалъ, она его ласкала. А когда дѣла пошли швахъ, она своего Ромео по боку, и... тутъ у насъ есть любитель... хозяйскій сынъ... Да что же, правду сказать, такъ только ея милостью и держимся: не гонять отсюда, да еще и чаемъ поятъ.

У Сергѣя застилало глаза туманомъ. Онъ едва спросилъ у Горевъ:

— А гдѣ же онъ сейчасъ?

— Совершенно неизвѣстно. Вчера вечеромъ разыгралась трагическая сцена, а затѣмъ Ордынскій, это его такъ по сценѣ зовутъ, ушелъ изъ дому и ночевать не пришелъ.

Сергѣй пришелъ въ ужасъ.

— Слушайте, Горевъ, — произнесъ онъ, задыхаясь, — пойдемте его искать. Вѣдь, можетъ быть, съ нимъ и несчастье случилось.

Горевъ разсмѣялся.

— Полноте. Развѣ это въ первый разъ?.. Походитъ, походитъ и придетъ. Вѣдь онъ ревнивъ, какъ десять Отелло.

Это немного успокоило Сергѣя, и онъ согласился итти съ Горевымъ въ домикъ, повидаться съ труппой и отдохнуть.

— Хотя бы чаю напились. Вѣдь вы всю ночь провели въ пути.

IV.

Изъ дамъ Сергѣй давно зналъ только одну Жаднову, „драматическую старуху“. Это была давно спившаяся старуха, невѣроятно циничная и развратная. Остальныхъ онъ не зналъ.

Когда онъ съ Горевымъ вошелъ въ комнату, гдѣ помѣшались женщины, онъ сразу растерялся.

Одна только героиня — „патлажанъ“ — встала съ своей деревянной кровати и стояла подлѣ съ распущенными волосами, заспанная, въ незастегнутой батистовой кофточкѣ и въ туфляхъ на босыхъ ногахъ. Хорошо сложенная, еще розовая отъ сна, съ довольно свѣжимъ лицомъ и красивыми туповатыми глазами, съ

просвѣчивающимъ сквозь батистъ молодымъ тѣломъ, она производила странное впечатлѣніе. Она какъ-то и привлекала и отталкивала въ одно и то же время.

Сергѣй не зналъ, съ чего начать: подходить ли здороваться или вытти. Онъ думалъ, что Горевъ его рано туда ввелъ. Но Жаднова, замѣтивъ его смущеніе, быстро перегнулась на своей койкѣ, схватила Сергѣя за руку, притянула къ себѣ и усадила рядомъ.

— Милый, спаситель вы нашъ, — забасила старуха и обняла Сергѣя голой рукой за шею, прижимая его къ себѣ.

Сергѣй едва высвободился изъ ея объятій, а „героиня“, видя это, громко расхохоталась.

За ней расхохотались и другія двѣ дамы, лежавшія на койкахъ, до пояса открытыя.

„Сергѣй въ это время всталъ, а Жаднова набросилась на своихъ товарокъ съ отборной бранью.

— Вы, анаемы!.. шлюхи!.. Увидали свѣжаго молодого человѣка и уже зубы скалите. Вамъ мало того, что вы здѣсь творите...

Это, однако, не смутило никого. Къ этому, очевидно, всѣ уже привыкли.

Выѣшался Горевъ, который дурачливо заоралъ:

— Эй, Жадиха, будетъ тебѣ! Ты-то чего распинаешься за молодого человѣка?!.. Ты что же думаешь, что это тебѣ здѣшній Мишка, племянникъ трактирщика?..

Жаднова цинично взглянула на Горевъ и расхохоталась сама.

— Ну тебя къ бѣсу... И пошутить нельзя.

Она достала изъ-подъ соломеннаго тюфяка маленькій сверточекъ, торопливо развернула его, свернула толстую неуклюжую папиросу и, ловко всадивъ ее въ уголь рта, зажгла спичку и закурила.

Сергѣй стоялъ, растерянный. Его душилъ острый запахъ спертаго воздуха крошечной комнатки, гдѣ спали четыре женщины. Его давило какое-то жуткое чувство при видѣ этихъ цинично державшихъ себя женщинъ. А „героиня“ все стояла на одномъ мѣстѣ, чувственно улыбаясь, принимая дразнящія позы и гипнотизировала Сергѣя своими туповатыми, но красивыми глазами.

Художественный театр.

А. Ф. Горевъ.

Шаржъ Andre'a.

V.

Уже смеркалось, когда Сергѣй съ „героиней“ под-
ходили къ небольшому Б-скому театру.

Наблюдая утромъ за Сергѣемъ, она поняла, что
циничная атмосфера, въ которой онъ очутился, на
него дѣйствовала подавляюще и что „этимъ“ его взять
нельзя. И она перемѣнила тактику. Она попросила
его выйти, чтобы одѣться. Сергѣй былъ очень радъ,
такъ какъ самъ не рѣшался выйти. Горевъ взялъ его
подъ руку и провелъ къ мужчинамъ, которые отнес-
лись къ Сергѣю довольно равнодушно и оживились
только тогда, когда узнали, что Сергѣй привезъ имъ
денегъ.

Не прошло и получаса, какъ раздался легкій стукъ
въ дверь. Въ то же время дверь пріоткрылась, и Сер-
гѣй услышалъ голосъ „героини“, которая почти властно
произнесла:

— Сергѣй Петровичъ, выйдите-ка сюда.

Сергѣй опять былъ радъ возможности уйти. Его и
здѣсь давили циничныя остроты старыхъ провинціаль-
ныхъ актеровъ и спертый воздухъ комнаты. Особенно
же его смущало высокомерное отношеніе къ нему со
стороны Болдина, смотрѣвшаго все время на него въ
упоръ съ дѣланною саркастическою улыбкой.

И только, когда Сергѣя позвала Лирская, „героиня“,
у Болдина злобно перекопилось лицо.

Сергѣй этого не замѣтилъ и вышелъ.

Передъ нимъ стояла Лирская, довольно изящно одѣ-
тая. Она нѣжно улыбнулась Сергѣю, взяла его подъ
руку и тихо произнесла:

— *Послушайте, Сергѣй Петровичъ, мнѣ нужно съ
вами поговорить.

Сергѣй понималъ, что она хочетъ съ нимъ говорить
объ Оскольскомъ, и покорно пошелъ за нею.

Она долго ходила съ Сергѣемъ по окраинамъ го-
родка. Разказала ему подробно о томъ, какъ Осколь-
скій очутился въ трупѣ въ О. на маленькихъ роляхъ,
какъ она съ нимъ познакомилась. Оскольскій сильно
къ ней привязался.

— Но поймите, что я къ нему ничего, кромѣ ува-
женія, не чувствую.

Она вздохнула и продолжала:

— Я сама несчастная женщина. Моя жизнь сложи-
лась скверно. Я молода и жду счастья... Кто мнѣ его
дастъ?..

И она слегка и осторожно прижималась къ Сергѣю,
какъ бы прислушиваясь, какъ онъ будетъ „это“ при-
нимать.

Сергѣй былъ взволнованъ и не сопротивлялся.

„На всякаго мудреца довольно про-
стоты“ въ Александринскомъ театрѣ.

В. Н. Давыдовъ въ роли Мамаева.

„На всякаго мудреца довольно про-
стоты“ въ Александринскомъ театрѣ.

М. Г. Савина въ роли Мамаевой.

Это ободряло Лирскую, и она рѣшила повести атаку
сильнѣе.

Когда она ему сказала, что она проголодалась, ко-
роткій декабрьскій день уже склонялся къ вечеру. Онъ
тоже былъ голоденъ, и отправились въ ресторанъ мѣст-
наго клуба, единственное мѣсто, гдѣ можно было по-
обѣдать.

Обѣдъ Лирская затягивала, безъ перерыва рассказы-
вая Сергѣю то о своемъ прошломъ, то о своихъ
мечтахъ, о будущемъ. И все вращалось вокругъ во-
проса объ удовлетвореніи ея любви къ искусству, и
лишь вскользь она заговаривала о себѣ, какъ о жен-
щинѣ, ищущей истинной, чистой любви.

Къ концу обѣда она усѣлась рядомъ съ Сергѣемъ
на небольшомъ продавленномъ диванчикѣ, все чаще
склонялась къ Сергѣю, но не рѣшалась взять его руку,
чего-то боясь.

VI.

Лирская рѣшила гдѣ-нибудь уединиться съ Сергѣемъ.
Ее начинало злить, что она не можетъ никакъ рас-
шевелить „этого дикаря“, и только къ концу обѣда
у нея созрѣлъ „планъ“. Передъ ея взоромъ пронес-
лись подмостки, кулисы, уборная. Тогда она вдругъ
заторопила съ окончаніемъ обѣда и, выйдя съ Сер-
гѣемъ, стала описывать ему, какъ тяжело играть въ
маленькихъ провинціальныхъ театрахъ, и предложила
ему самому взглянуть на ту дыру, гдѣ они такъ пла-
чевно провели начало сезона.

Сергѣй согласился.

Теперь они стояли у входа въ театръ, и Лирская,
толкнувъ дверь, ввела Сергѣя въ полутемную при-
хожую. Не выпуская его руки и смѣясь, прижимаясь
къ Сергѣю, она шутливо воскликнула:

— Ой, какъ здѣсь страшно!

И, дѣлая искусственно неуверенные шаги, она
быстро прошла съ Сергѣемъ по боковому коридору,
открыла въ концѣ коридора крошечную дверь, позади
которой они очутились въ совершенной темнотѣ.

Лирская опять стала дѣлать видъ, что ей страшно.
— Осторожно, здѣсь очень тѣсно... здѣсь нѣсколько ступенекъ...

И она, высвободивъ свою руку, положила ее на противоположное плечо Сергѣя, почти обнявъ его и все еще осторожно прикасаясь ладонью къ шеѣ и щекамъ Сергѣя.

Она почувствовала, какъ Сергѣй вздрогнулъ, и, стараясь объяснить себѣ его ощущенія, не отнимала руки, уже сильно согрѣвшейся у тѣла Сергѣя, и въ такомъ положеніи вела его дальше, пробираясь среди мрака, царившаго на сценѣ.

Они споткнулись о какую-то валявшуюся свернутую декорашу, задѣли веревку, спускавшуюся съ колосниковъ, и направились наискосокъ сцены, къ углу рампы, откуда черезъ первую кулису былъ проходъ въ женскія уборныя.

— Вотъ видите, какой сарай, какая трущоба,—говорила она слегка дрожащимъ шопотомъ и, вздрагивая, сильнѣе прижимала къ себѣ Сергѣя.

— Пойдемте, я вамъ покажу еще наши такъ называемыя уборныя,—пошутила она.

Зная хорошо ходы, Лирская смѣло направилась къ кулисамъ и нѣсколько подалась впередъ, привычной рукою желая отвести въ сторону болтавшійся въ этомъ мѣстѣ кусокъ декорации и всегда ее раздражавшій. Но вдругъ она ощутила концами пальцевъ какой-то другой предметъ.

Она сразу не разобрала, что это за предметъ, но что-то ее заволновало, и она сдѣлала шагъ назадъ. Ея волненіе передалось Сергѣю.

— Господи, что это?!—произнесла Лирская, не то еще шутя, не то чего-то пугаясь.

Сергѣй сдѣлалъ шагъ впередъ и, протянувъ руку, нащупалъ тотъ же предметъ и отскочилъ назадъ.

— Это... человекъ... виситъ... — едва произнесъ Сергѣй.

Онъ быстро досталъ спички, зажегъ одну и поднялъ ее вверхъ.

Лирская истерически вскрикнула и упала къ ногамъ Сергѣя: это висѣлъ Оскольскій.

Сергѣй сперва едва держался на ногахъ. Онъ почувствовалъ сильную дрожь въ колѣняхъ, и, если бы онъ не чувствовалъ на своей ногѣ плеча Лирской, онъ и самъ бы свалился. Его подкрѣпило сознание, что необходимо помочь Лирской.

Лирская скоро очнулась. Сергѣй помогъ ей сѣсть на стоявшую вблизи „садовую“ скамейку и, ласково попросивъ ее не волноваться, пошелъ къ выходу, чтобы сообщить о несчастіи.

Пробираясь по коридору, Сергѣй ни о чемъ не думалъ.

Онъ только все время повторялъ про себя:

— Онъ умеръ у рампы... онъ умеръ у рампы...

Л. Д. Теплицкій.

Словарь сценическихъ дѣятелей.

(Продолженіе. — См. № 19.)

Медвѣдевъ М. (оперный).

*Антрепренерствуетъ!.. Онъ встарь
Былъ въ чудномъ царствѣ звуковъ —
царь,*

*Но превратился въ инвалида...
Имѣлъ успѣхъ безъ всякихъ клакъ;
Онъ тѣль Тангейзера — и какъ?!..
Получше Южина Давида!*

Михайловъ (опереточный).

*Беретъ отлично до и ге,—
Но, издавая эти звуки,
Напоминаетъ Лодырѣ
Изъ приснопамятной „Валюки“...*

Мордкинъ.

*Воздушенъ, пылокъ, граціозенъ;
То бурно веселъ, то серьезенъ.
Въ его движеніяхъ бездна чаръ.
Въ ногахъ такое краснорѣчье,
Что даже дамъ Замоскворѣчья
Отъ этихъ ногъ бросаетъ въ жаръ.*

Моисеевъ.

*Переигралъ всѣ третьи роли;
Другихъ не видитъ перспективъ...
И не добьется лучшей доли,
Попавши въ коршевскій архивъ.*

Москвинъ.

*Я никогда не пью вина,
Но за здоровье Москвина
Я осушу бокалъ до дна!
Хвалебныхъ одъ я не пою,
Но музу старую мою
Плѣнилъ Москвинъ — и я начну
Пѣть дивирамбы Москвину!*

Мунштейнъ.

*Рокъ, легкомысленный проказникъ,
Тебя безсовѣстно обидѣлъ:
Ты написалъ свой „Вѣчный праздникъ“—
И больше праздниковъ не видѣлъ!*

Найденовъ.

*Помнишь, — въ шумъ трезвона хвалебнаго
Предсказанье зоила враждебнаго:
„Больше ты не свершишь ничего!..“
Вздоръ! Ты молодъ, талантливъ!.. Мнѣ
чудится,
Предсказаніе злое не сбудется —
Будетъ вновь торжество!*

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Solo.

Москва.

Въ „Гибели боговъ“ въ Большомъ театрѣ главныя партіи поручены: г-жѣ Южиной и г. Алчевскому.

— Ф. И. Шалипинъ въ январѣ выступаетъ въ благотворительномъ концертѣ и исполнитъ рядъ новыхъ романсовъ, сочиненныхъ композиторомъ г. Сахновскимъ на слова покойнаго Свободина.

— Правленіе Художественнаго театра рѣшило везти труппу въ весеннемъ сезонѣ въ Петербургъ. Гастроли въ Лондонѣ состоятся въ зависимости отъ принятія условий Художественнаго театра.

— Въ театральномъ мірѣ большой переполохъ — распространились слухи о томъ, что г. Марджановъ ушелъ отъ Незлобина. Разрывъ этотъ не былъ неожиданностью: уже нѣсколько дней шли толки о конфликтѣ между г. Незлобинымъ и г. Марджановымъ. Поводомъ къ конфликту послужило — недовольство Незлобинымъ постановкой „Черныхъ масокъ“, столкновения по поводу распредѣленія ролей въ „Мелкомъ бѣсѣ“ и много другихъ мелкихъ неприятностей. Но никто не предполагалъ, что г. Марджановъ можетъ сейчасъ уйти отъ Незлобина, съ которымъ онъ связанъ 3-годичнымъ контрактомъ. Слѣдовало думать, что ликвидація отношеній антрепренера и режиссера произойдетъ по окончаніи сезона. Но отношенія вдругъ обострились, и разрывъ произошелъ.

— Въ театрѣ С. И. Зимина тотчасъ же послѣ рождественскихъ праздниковъ будутъ поставлены оперы „Гамлетъ“ и „Камо грядеши“ Нугеса. Эта опера очень напумтала за послѣднее время въ Парижѣ.

— На второй и третьей недѣлѣ Великаго поста у Зимина состоятся гастроли извѣстнаго итальянскаго тенора г. Ансельми. Выступаютъ г. Ансельми въ „Вертерѣ“, въ „Ромео и Джульетѣ“, въ „Риголетто“ и „Манонъ“.

— Костюмерная оперы Зимина теперь очень занята приготовленіемъ костюмовъ къ постановкѣ оперы „Камо грядеши“, которая очень трудна по своей декоративной части.

— В. П. Дамаевъ оправился отъ болѣзни и въ понедѣльникъ возвращается изъ деревни въ Москву. 28-го декабря состоится его первый выходъ.

— Литературный балъ въ пользу общества дѣтелей періодической печати назначенъ на 18 февраля во всѣхъ залахъ Благороднаго собранія. Художественную часть любезно принялъ на себя академикъ Коровинъ.

— Въ театрѣ „Буффъ“ бенефисъ А. Э. Блюменталь-Тамарина прошелъ вѣнше очень парадно. Полный залъ, шумныя оваціи, масса подношеній. Поставленная для бенефиса оперетта-пародія „Веселые Нибелунги“ скучновата и не очень понятна для нашей публики, мало знакомой съ „Нибелунгами“. Очень забавенъ самъ бенефициантъ. Изящно играетъ г-жа Никитина. Поставлена оперетта съ присущимъ г. Блюменталь-Тамарину блескомъ.

Въ театрѣ Лебедева съ успѣхомъ идетъ оригинальная пьеса репертуара „Театра ужасовъ“ — „Страшная ночь“ Рулева. Пьеса написана съ настроеніемъ и сильно бьетъ по нервамъ. Сюжетъ ея взятъ изъ современной жизни Закавказья. Поставлена она г. Лебедевымъ тщательно.

— Художникъ Федотовъ выпустилъ серію открытыхъ писемъ, иллюстрирующихъ „Нюрнберскихъ мейстерзингеровъ“ въ постановкѣ оперы Зимина. Сработаны открытки очень красиво.

† В. Ф. Николаевъ. Скоропостижно скончался артистъ театра Корша Владиміръ Федоровичъ Николаевъ, служившій у Корша въ продолженіе шести лѣтъ на вторыхъ роляхъ. Послѣдніе дни г. Николаевъ не посѣщалъ репетицій, а вчера не явился на спектакль. Такъ какъ В. Ф. былъ всегда въ высшей степени аккуратныхъ человѣкомъ, — его отсутствіе встревожило артистовъ.

Черезъ часъ изъ номеровъ „Вристоръ“, гдѣ жилъ покойный, дали знать въ театръ, что В. Ф. скоропостижно скончался. Есть предположеніе, что смерть произошла отъ отравленія. Покойный былъ несчастливъ въ семейной жизни, и еще двѣ недѣли тому назадъ отъ него слышали, что онъ отравится. Нѣсколько времени тому назадъ В. Ф. Николаевъ развелся съ женой. Это такъ на него подѣйствовало, что онъ началъ опять-таки кокаиномъ. Являясь ли смерть результатомъ постепеннаго отравленія, или покойный нарѣменно принималъ слишкомъ большую дозу кокаина — неизвѣстно.

Сослуживцы покойнаго глубоко поражены его смертью.

В. Ф. Николаевъ былъ очнь честный и симпатичный человѣкъ, добрый и отзывчивый товарищъ.

6-ой историческій концертъ И. Р. М. О. Въ этомъ сезонѣ г-ну Василенко пришлось играть Гайдна послѣ Вагнера, такъ какъ солистка этого концерта г-жа Ванда Ландовска могла пріѣхать въ Москву только теперь, въ половинѣ декабря.

Опера С. И. Зимина. „Тангейзеръ“.

Елизавета — г-жа Ермоленко-Южина.

Шаржъ И. Малютина.

Если вы думаете, что публика историческихъ концертовъ при такой перспективѣ отнеслась къ музыкѣ Гайдна свысока, какъ къ чему-то „старенькому, прѣсному, простоватому“ (цитирую слова одного музыканта), то вы жестоко ошибаетесь.

Шумные аплодисменты раздавались послѣ каждого номера программы (особенно много аплодировали фортепьянному концерту и послѣдней симфоніи) и, что еще цѣннѣе, во время исполненія царилъ сосредоточенная *живая*, именно живая, а не мертвая тишина.

Объ исполненіи старинной музыки г-жей Вандой Ландовской, которую положительно можно назвать Ключевскимъ музыки XVII и XVIII столѣтій, мы уже писали въ прошломъ году. Прибавимъ только, что и на этотъ разъ она изумляла точностью своей техники, выработкѣ которой, очевидно, много помогла игра на клавесинѣ, аристократическимъ изяществомъ своего вкуса, чаровала поэзіей. Если мы примемъ во вниманіе, что она играетъ то, чего никто не играетъ, что, создавая интерпретацію того или иного *chef d'œuvre* старины, она совершенно не имѣетъ передъ собою образцовъ исполненія, такъ какъ не имѣетъ предшественниковъ, что единственной точкой отправленія въ ея художественной дѣятельности служить только ея творческое „Я“, то мы поймемъ, какого крупнаго калибра талантъ эта своеобразная артистка!

Большой похвалы заслуживаетъ и г. Василенко, видимо, все болѣе и болѣе сживающійся со старинной музыкой, проникающей ея цѣнной простотой.

Оркестръ бисировалъ серенаду изъ струннаго квартета ор. 3. Ванда Ландовска бисировала на клавесинѣ безъ конца.

Н. Бас.

„Тангейзеръ“ у Зимина.

18-го декабря состоялось первое представленіе „Тангейзера“. Это уже вторая опера Вагнера въ этомъ сезонѣ на сценѣ частнаго театра; принявъ же во вниманіе, что къ этому былъ еще присоединенъ „Золотой пѣтушокъ“ Римскаго Корсакова и готовится къ постановкѣ „Хованщина“ Мусоргскаго, нужно признать сезонъ интереснымъ. Года два тому назадъ была сильная тенденція обращать оперное предпріятіе въ опереточное, и возвращеніе опять къ серьезному репертуару пріятнѣе всего искренно. Если не все одинаково удачно, винить за что предпріятіе трудно, иногда побочныя обстоятельства мѣшаютъ удачному выполненію намѣченнаго. Въ данномъ случаѣ къ не удачному надо отнести исполненіе заглавной партіи, а вѣдь она имѣетъ слишкомъ важное значеніе въ оперѣ для того, чтобы этотъ недочетъ могъ бы пройти незамѣченнымъ. Г. Южинъ никакъ не подошелъ къ партіи Тангейзера, ни по вакальнымъ, ни по сценическимъ

даннымъ. Можно сказать, артистъ былъ совсѣмъ не на своемъ мѣстѣ, и слушать его было тяжело. Г-жа Лескъ Венера—обладаетъ хорошимъ голосомъ, но, какъ намъ кажется, мало обработаннымъ: артистка поетъ все время открытымъ звукомъ, а съ этимъ еще можно мириться въ опереттѣ, но никакъ не въ оперѣ.

Зато превосходно звучитъ голосъ г-жи Южиной въ партіи Елизаветы.

Если артистка не всегда достаточно интенсивна, то тамъ, гдѣ нужно только пѣніе, г-жа Южина положительно незамѣнима.

Хорошій Вольфрамъ—г. Бочаровъ; свою арію въ послѣднемъ дѣйствіи артистъ поетъ съ большимъ вкусомъ.

Мила г-жа Турчанинова—пастушокъ, и голосъ пѣвчичи звучитъ въ этой партіи прекрасно. Очень недуренъ г. Шувановъ. Другіе исполнители были вполне на своихъ мѣстахъ, только гриммъ рыцарей нельзя назвать удачнымъ, такъ, напримеръ, г. Запорожецъ скорѣе напоминаетъ разбойника, чѣмъ рыцаря.

Сценическая постановка въ общемъ интересна, если бы исключить манеру прибѣгать къ эффектамъ въ родѣ вывода на сцену цѣлой своры гонимыхъ.

Опера шла въ бенфисъ г. Купера. Дирижеръ былъ встрѣченъ при появленіи тушемъ и долго несмолкавшими аплодисментами и въ продолженіе спектакля былъ предметомъ шумныхъ оваций. Послѣ второго дѣйствія артистка чувствовала при открытомъ занавѣсѣ вся труппа, при чемъ было много подношеній какъ отъ публики, такъ и отъ труппы.

Ми.

Мелочи театральской жизни.

— Приводимъ любопытныя данныя о Нью-Йоркскомъ театрѣ „Метрополитэнъ“.

Расходы по содержанію этого театра равны 143,600 руб. въ недѣлю.

Составляется эта цифра слѣдующимъ образомъ:

Гонораръ пѣвцамъ.....	80,000 руб.
Костюмы и декораций.....	20,000 „
Оркестръ.....	12,000 „
Рабочіе и служащіе.....	8,000 „
Хоръ.....	7,400 „
Конторскіе расх., публикація.....	5,000 „
Дирижеры.....	4,000 „
Администрація.....	4,000 „
Балетъ.....	2,000 „
Отопленіе, освѣщеніе и т. д.....	1,200 „

Всего 143,600 руб. Во избѣжаніе недоразумѣній, повторимъ: это — расходъ по содержанію театра въ продолженіе одной недѣли во время сезона.

Опера С. И. Зимина. „Тангейзеръ“.

Ландграфъ — г. Шувановъ.

Шаржъ И. Малюткина.

Въ настоящее время въ „Метрополитэнъ“ выступаютъ одновременно такія крупныя силы, какъ Карузо, Бончи, Дестини, Фремштадъ и др.

Карузо получаетъ—12,000 руб. въ недѣлю за три выхода. Бончи—3,000 руб. за выходъ. Дестини и Фремштадъ—по 2,000 руб. за выходъ каждая. Остальные пѣвцы—отъ 500 до 1,500 р. за выходъ.

Оркестръ состоитъ изъ 160 чел. Дирижеры получаютъ въ среднемъ—по 700 руб. за вечеръ, считая, конечно, репетицій.

Хоръ состоитъ изъ 185 чел. Послѣдній хористъ получаетъ 40 руб. въ недѣлю. Балетъ—изъ 65 чел. Наименьшее жалованье танцовщицы—30 руб. въ недѣлю. Рабочихъ 200 человѣкъ, получающихъ въ среднемъ—40 руб. въ недѣлю каждый.

Средній валовой сборъ „Метрополитэна“—120,000 руб. въ недѣлю. Такимъ образомъ, театръ приноситъ еженедѣльно свыше 20,000 руб. убытку.

Дефицитъ этотъ покрывается, отчасти, гастролями въ провинціи—если такое слово примѣнимо въ Америкѣ, гдѣ каждый штатъ государство, а всенѣй крупный городъ столица—и, отчасти, самими директорами. Правленіе этого исключительнаго акціонернаго театра состоитъ изъ нѣсколькихъ милліонеровъ-мecenатовъ, которые не только не ожидаютъ процентовъ на вложенный капиталъ, но даже готовы покрывать изъ своего кармана еженедѣльный дефицитъ въ 20,000 рублей.

Поистиннѣ, опера крезовѣ!..

Петербургъ.

Въ Александринскомъ театрѣ выработанъ репертуаръ до самаго конца сезона.

Постановки предполагаются въ слѣдующемъ порядкѣ: 19-го декабря „Волки и овцы“ Островскаго, 15-го января „Уріэль Акоста“ (въ Михайловскомъ театрѣ), 20-го января „Передъ зарей“ П. П. Гнѣдича, 5-го февраля (пятый спектакль Михайловскаго театра), 20-го февраля „Старый хозяинъ“ И. Н. Потапенко, 8—10-го марта „Шутъ Тантрисъ“, 18-го марта „Разбойники“ Шиллера, 20-го марта „Когда цвѣтетъ мелодое вино“ Бьернсона-Бьернстерна.

Въ пьесѣ г. Гнѣдича главные роли играютъ г-жа Савина и г. Далматовъ, въ пьесѣ г. Потапенко—г-жа Мичурова и Давыдовъ, въ пьесѣ Бьернсона—г-жа Савина, въ „Шутѣ Тантрисъ“—г-жа Ведринская и гг. Юрьевъ и Ходотовъ, въ „Разбойникахъ“—г. Юрьевъ и гг. Ге и Дарскій, въ очередь.

Постановка „Уріэль Акосты“ поручена г. Петровскому. „Передъ зарей“—Н. А. Корневу, „Разбойниковъ“—М. К. Дарскому.

Въ остальныхъ пьесахъ еще не назначены режиссеры.

— Въ Александринскомъ театрѣ состоялась генеральная репетиція пьесы г. Карпова „Святая личность“, идущей сегодня для бенфиса вторыхъ артистовъ труппы.

Репетиція собрала многочисленную публику, — артистовъ, писателей, лицъ, такъ или иначе причастныхъ къ театальному міру.

Здѣсь были: Н. А. Котляревскій, П. О. Морозовъ, Д. С. Мережковский, Ф. Д. Батюшковъ, Е. П. Карювъ, В. В. Рышковъ, баронъ Н. В. Дризентъ, В. А. Мичуринъ, М. А. Потоцкая, Н. С. Васильева, Ю. М. Юрьевъ, много молодыхъ артистовъ и артистокъ, ученики и ученицы Императорскихъ драматическихъ курсовъ и проч.

Ставить пьесу г. Долиновъ.

Интересна декорация перваго дѣйствія, изображающая лужайку на берегу рѣки, съ видомъ на зарѣчное село.

Красивъ видъ второго акта.

Безконечные антракты затянули репетицію до четырехъ часовъ.

— „Донъ-Жуанъ“ Мольера пойдетъ на Александринской сценѣ, какъ окончательнѣе рѣшено, въ самомъ концѣ сезона: на 5—6 недѣль великаго поста. Послѣ нѣсколькихъ представлений, пьеса будетъ перенесена на слѣдующій сезонъ.

„Волки и овцы“ возобновляются на Александринской сценѣ 26 декабря. Задержка произошла изъ-за того, что все время ропетировали пьесу г. Карпова, и негдѣ было репетировать Островскаго.

Послѣднія репетиціи происходили въ Эрмитажномъ театрѣ. Повлѣлъ также отъѣздъ въ Москву Н. А. Варламова и болѣзнь г. Корвинъ-Круковскаго. Пьеса идетъ въ слѣдующемъ составѣ: Глафира—г-жа Потоцкая, Мурзавецкан—г-жа Н. Васильева, Кулапина—г-жа Лачинова, Аиписа—г-жи Чижевская и Эльмина, Мурзавецкій—г. Судбининъ, Чугуновъ—г. Варламовъ, Дыниевъ—Ст. Яковлевъ, Беркутовъ—г. Корвинъ-Круковский.

— „Госпожа пошлость“ Н. Н. Ходотона, давшая на послѣднемъ представленіи, несмотря на участіе Савиной, Давы-

доза, Варламова, Стрельской и Петровского, всего 500 руб. сбору, будет снята с репертуара.

Она пройдет всего один раз, на праздниках.

Малый театр. (*Отъ собствен. корреспонд.*). В первой половине минувшего столетия скромным, но весьма приятным, трогательным цветком выделялся в области театр. прошлого «милый, старый водевиль», это — «былое, безгрешное дурачество, веселая пирушка старинных актеров, золотая театральная пыль, фиалки в табакерке старого Петербурга...». И этот скромный, веселенький водевиль — пусячонок с его беззлобным, чистым юмором, наивной прелестью безбедных «воркований» молодежи, вернул к жизни Юр. Д. Бляев, создав красивый гротеск в стилистой жанровой рамке: «Путаницу». Автор заставляет зрителя поверить на несколько минут, что перед ним 1840 год с всеми его характерными особенностями. И не без интереса смотрятся наивная рождественская сказочка о том, как в дом надворья советника Гуляева (г. Чубинский), во время святочной вечеринки вошла шаловливая Путаница (г-жа Вадимова) и в скучную атмосферу злобавы и карточной игры внесла много радости, смеха, веселья, перепутав «всех и вся». Она очаровала молодежь, искружила голову всем кавалерам, начиная с титулярного (г. Глаголин) до действ. статского советника (г. Тарский) включительно, разожгла огоньки зависти в глазах дам, всех перессорила и помирila.

Постановка г. Гловацкого заслуживает серьезной похвалы, и только очень жаль, что почему-то сбросили всю поэтичность с пролога, пропевающего по ремарке автора в смѣжную ночь, когда «разыгрывается мятель, не видно никаких чертаней, лунный свет едва брезжит, свисает вьюга», и только в моменты успокоения стихии становится яснее и, «посреди сцены на наметанном сугробе выясняется фигура женщины». Как это красиво, поэтично, сказочно! Но... па дѣла этого не оказалось. Путаница просто высовывала голову из-за занавѣса и, выйдя, наконец, к рампе, произносила свой монолог перед ошущенным занавѣсом.

Прекрасное исполнение дали: г-жи Вадимова, Корчагина-Александровская и г. Глаголин. Сколько легкости, сочности, свежести внесли они в свои роли.

Г-жа Вадимова была изящна, мила, грациозна; г-жа Корчагина — художественно обрисовала тип бабушки доброго старого времени, а г. Глаголин порхал по сцене, ухаживал за дамами, и трепетал перед «начальством» во время разговоров с ними. Типичны и жизненны: г-жа Баранцевич, гг. Тарский и Чубинский. Музыка Чернявского подбрана весьма недурно. Театр был полон.

Вас. Базилевский.

Дочь міра.

Балконъ, на которомъ мы сидѣли, былъ освѣщенъ луною. Колонки, бѣлыя и легкія, казались воздушными. Сквозь нихъ было видно зеленовато-голубое море. Тишина нарушалась слабымъ звука прибора. У самого берега луна дробилась въ морѣ тысячами серебряныхъ блесковъ, и онѣ играли, прыгали и смѣялись, словно веселыя дѣти луны и моря.

Старикъ — управляющій сосѣднимъ имѣніемъ окончилъ свой рассказъ о Черной Дамѣ, которая являлась въ старомъ замкѣ въ полночь...

Но расходиться не хотѣли. Чего-то ждали.

Тогда наша пріятельница улыбнулась и съ тихимъ смѣшкомъ сказала:

— Хотите, я расскажу вамъ, что случилось съ моей знакомой недавно около Рима, въ одномъ католическомъ монастырѣ?

Мы молча переглянулись, придвинули стулья ближе и молчали. Намъ казалось, что она расскажетъ то, чего намъ такъ хотѣлось.

Она была одной изъ послѣднихъ представительницъ стараго дворянскаго рода. Она выросла въ дворянскомъ замкѣ, построенномъ на развалинахъ древняго монастыря. Она вышла замужъ за аристократическую развалину, затѣмъ бросила мужа, долго жила въ Римѣ, вошла въ кружокъ тамошнихъ художниковъ и сдѣлалась женою одного изъ нихъ. Мужа ея мы не знали.

Тамъ среди художниковъ ея фантазія, всегда нзо-

Опера С. И. Зимина. „Тангейзеръ“.

Вольфрамъ — г. Бочаровъ.

Шаржъ И. Малютина.

брѣтательная, приобрѣтала смѣлость. Ея рассказы всегда были фантастичны, ея освѣщеніе причудливо, а когда кто-нибудь въ недоумѣніи спрашивалъ:

— Это дѣйствительно было?

Она съ тихимъ смѣшкомъ отвѣчала:

— Откуда же я это знаю?

Въ ея низкомъ голосѣ всегда звучалъ тихій, волнующій смѣшокъ.

Итакъ, она начала свой рассказъ:

Вы знаете это мѣсто около Рима? Дорога идетъ между черныхъ скалъ и спускается въ мрачную, сырую лошину. Когда, бывало, проѣзжаешь по этому мѣсту, возница никогда не остановится внизу въ лошинѣ. Тамъ лежитъ большое болото. Въ лунную ночь все болото живетъ и волнуется отъ безчисленнаго количества змѣй. Онѣ поднимаютъ головы, и въ воздухѣ слышится мелодичное шипѣнье.

Моя пріятельница уже нѣсколько часовъ ѣхала по этой лошинѣ со своимъ мужемъ. Это — блондинъ съ сѣдѣющими волосами, съ голубыми глазами молодой дѣвушки, съ головой, какъ бы набросанной акварелью. Они направлялись въ католическій монастырь въ горахъ, когда-то богатый и извѣстный. Теперь тамъ живутъ только двѣнадцать монахинь. Входъ постороннимъ туда запрещенъ, но передъ отъѣздомъ изъ Рима они заручились рекомендаціей городского мэра, которая раскрывала передъ ними самыя непроницаемыя двери.

Они устали и сидѣли тихо, пресытившись игрой фантазіи, плотно прижавшись въ ночномъ туманѣ другъ къ другу и нечувствуя другъ друга.

Передъ воротами монастыря онъ остался въ коляскѣ, а она вышла и по высокой каменной лѣстницѣ черезъ мрачныя ворота вошла внутрь, поклонившись монахинѣ, стоявшей у входа.

Къ нимъ вышла игуменья, высокая старая женщина съ сухими чертами лица, съ горящими глазами — живое лицо, какъ бы сошедшее съ одной изъ старинныхъ картинъ. Перебирая четки тонкими сухими пальцами, она молча выслушала эту „дочь міра“, вошед-

шую сюда так властно. Она сказала, что знала об их приезде, так как получила телеграмму от мэра.

Тогда моя приятельница вернулась за мужем. Они вместе вошли во двор монастыря и остановились при виде фантастических чудовищ, которыми были украшены ворота и стены. Чудовища слетелись сюда и сидели молча, притаившись, терпеливо выжидая, когда можно спуститься в душу одной из ушедших от мира и смутить ее покой...

В пепельном свете луны муж моей приятельницы казался молодым, глаза его блестели.

Игуменья шла за ними молчаливая и, казалось, смущенная. Затѣм она задержала мою приятельницу и тихо сказала:

—Синьора, я думала, что синьор профессор, о котором пишет мэр,—старик, но онъ молодъ... и я не могу приютить васъ здѣсь...

—Но куда же намъ дѣваться?..

Игуменья думала.

Театръ „Эрмитажъ“.

Н. Ф. Монаховъ.

Шаржъ И. Малютина.

—Я не могу оставить васъ безъ приюта. Но я могу принять васъ только подъ однимъ условіемъ: вы помѣститесь въ разныхъ концахъ монастыря.

Моей приятельницѣ это показалось забавнымъ, но она, конечно, согласилась.

Они вошли въ монастырское зданіе и пошли по длинному ряду залъ. Это были остатки прежняго величія. Теперь здѣсь не жили, и жилая часть монастыря помѣщалась въ небольшой пристройкѣ.

Впереди шла игуменья со свѣчой, вставленной въ въ простой, массивный подсвѣчникъ. Слабый, мерцающій свѣтъ скользилъ по стѣнамъ. Стѣны были расписаны старинной живописью. Библійскіе сюжеты. Фигуры въ легкихъ покрояхъ. Однѣ въ позѣ молитвеннаго экстаза, другія спокойныя; въ мерцающихъ вспышкахъ свѣта онѣ двигались по стѣнѣ длинной вереницей, появлялись и исчезали...

Это была старая, наивная живопись, вылившаяся изъ цѣльной души, не тронутой сомнѣніями. Теперь опять начинаютъ писать такъ, въ погоню за утраченною цѣлостью мировоззрѣнія.

Одну изъ этихъ комнатъ, вторую отъ входа, игуменья указала мужу моей приятельницы и, молча предложивъ ему остаться, повела ее дальше.

Онѣ прошли двѣнадцать залъ. Игуменья остано-

вилась. Здѣсь должна была расположиться моя приятельница.

— Одна изъ младшихъ сестеръ явится къ вамъ и будетъ служить вамъ. Я попрошу васъ не смущать ее покоя какимъ бы то ни было разговоромъ.

Затѣмъ игуменья простилась, благословила склоненную голову оставшейся и вышла.

Молодая монахиня, вошедшая со свѣчой, была красива, смотрѣла внизъ, медленно подняла голову, тихо спросила, гдѣ расположится необыкновенная гостья. Она дѣлала постель такъ торжественно, словно совершала таинство.

Когда она ушла, приятельница моя осталась одна, погасила свѣчу и легла...

Лучъ луны скользилъ по стѣнѣ и освѣщалъ двѣ нарисованныя на ней фигуры — мужскую и женскую. Это былъ библійскій сюжетъ—любовь Руфи къ Воозу въ таинственной и непонятной обстановкѣ...

Тогда въ полной причудѣ головѣ моей приятельницы пронеслась дерзкая мысль. Она представила себѣ всю поэзію любви здѣсь, и въ ней проснулось все страстное томленіе любви. Ее раздѣляли отъ мужа 10 каменныхъ стѣнъ, массивныхъ и прочныхъ какъ вѣчность и, казалось, суровыхъ какъ законъ Бога, налагавшій запретъ на грѣховную волю Его созданія. И эта преграда сдѣлала ее желаніе непреодолимымъ. Ея фантазія нарисовала передъ ней картину такого соблазна, что она закрыла глаза и слушала, какъ въ тишинѣ стучитъ ея сердце.

Но что-то удерживало ее. Ей казалось, что она оскорбитъ эти лица, смотрѣвшія на нее изъ вѣчности, что стѣны встанутъ передъ ней и у нея не хватитъ силъ переступить пороги комнатъ. Она открыла глаза. Освоившись съ темнотой, она ясно различала детали фресокъ. Сквозь легкія ткани покрывалъ, наброшенныхъ на фигуры и нарисованныхъ позднѣе самихъ фигуръ, просвѣчивалъ ихъ первоначальный рисунокъ. Тканью покрывалъ хотѣли прикрыть соблазнъ голаго тѣла, но краски ихъ отъ времени выцвѣли и не скрывали больше вѣчнаго грѣха тѣла. Приятельница моя ясно различала подъ покроями старый рисунокъ во всей его наивной полнотѣ и цѣлости... И ее охватилъ неудержимый хохотъ, хохотъ бѣсноватой, внутри которой сидитъ дьяволъ. Она уткнула лицо въ подушку и смѣялась долго, содрогаясь всѣмъ тѣломъ.

И вмѣстѣ съ этимъ смѣхомъ исчезло все ея уваженіе къ святому мѣсту, весь страхъ передъ суровымъ запретомъ. Всѣ фигуры вдругъ измѣнили въ ея глазахъ свое выраженіе, и она представила себѣ, какъ каждую ночь онѣ сбрасываютъ свои покровы и по-вязки и веселой вереницей, сдерживая смѣхъ, кружатся въ легкомъ, воздушномъ танцѣ. И ей захотѣлось вмѣшаться въ этотъ воображаемый танецъ. Дерзкимъ движеніемъ она сбросила съ себя рубашу и увидѣла, что ея тѣло по своему тону совершенно сливается съ тѣлами женщинъ, нарисованныхъ на стѣнахъ. И она пошла къ комнатѣ своего мужа. По дорогѣ къ ея веселости прибавилась легкая жуткость. Ея ноги ступали на холодный полъ, и свѣжесть обвивала ея тѣло.

На полдорогѣ она остановилась, у нея явилось желаніе вернуться назадъ—ее смутило чье-то строгое лицо, выглянувшее со стѣны. Но вдругъ она замѣтила, что навстрѣчу ей съ противоположной стороны движется фигура. Ее охватилъ ужасъ, и она застыла на мѣстѣ. Фигура приближалась медленно, беззвучно, и вдругъ она ясно увидѣла, что это фигура... ея мужа...

Тогда съ дыханіемъ, остановившимся въ горлѣ, она пошла ему навстрѣчу... Они стояли неподвижные, озаренные призрачнымъ луннымъ свѣтомъ, молчаливые какъ фигуры фресокъ, сошедшія со стѣнъ, обвѣянные тѣмъ же дыханіемъ вѣчности...

Вдруг одновременно, какъ бы однимъ общимъ слухомъ, они уловили легкой шелестъ шаговъ. Шелестъ приближался, и въ боковой залъ они увидѣли игуменью. Да, это была она... Эта была ея легкая походка, ея фигура... Игуменья остановилась, какъ бы пораженная видѣніемъ. Глаза ея расширились. Рука поднялась и провела по лицу... Видѣніе не исчезло... Въ ужасѣ она отступила назадъ и быстро, но почти беззвучно удалилась...

Тогда, выждавъ, когда затихъ шелестъ ея шаговъ, они отдѣлились другъ отъ друга и, какъ два преступника, не сказавъ ни слова, осторожно вернулись въ свои комнаты.

Когда моя пріятельница проснулась и молчаливая монахиня помогла ей одѣться, къ ней вошла игуменья и сказала:

— Я не могу, синьора, оставить васъ здѣсь...

Когда дѣти міра входятъ сюда, самыя чистыя души исполняются соблазна... Вмѣстѣ съ вами въ обитель вошли видѣнія, полныя грѣха...

Уѣзжая, моя пріятельница поклонилась ей глубоко, съ чувствомъ самой живой благодарности... Но глаза игуменьи были строги и непроницаемы, и она не удостоила благословенія „дочь міра“, вмѣстѣ съ которой въ обитель вошли видѣнія, полныя грѣха...

Наша пріятельница окончила свой рассказъ. Мы молчали. А старикъ управляющій тихонько спросилъ:

— Откуда вы все это такъ хорошо знаете?

Рассказчица улыбнулась и съ тихимъ смѣшкомъ сказала:

— Это знакомая была... я.

Луна дробилась въ морѣ тысячами прыгающихъ, смѣющихся искръ...

Ганъ. 55

Мюнхенскія художественныя куклы.

Парижскія письма.

IX.

Какъ мы уже прежде сказали, Эмилю Моро принадлежит сценическая передѣлка „Quo vadis?“, шедшая нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ большимъ успѣхомъ на сценѣ театра Porte St. Martin. Но еще гораздо большій успѣхъ имѣла поставленная на-дняхъ въ театрѣ Gaite опера „Quo vadis?“. Для васъ эта постановка должна имѣть особенный интересъ, такъ какъ та же опера идетъ, если не ошибаюсь, въ самомъ непродолжительномъ времени у васъ въ театрѣ Зимина. Успѣхъ у публики, матеріальный успѣхъ опера имѣла огромный и бесспорный. Судьба этого произведенія во Франціи чрезвычайно любопытна. Тогда какъ „Безъ догмата“, „Семья Половцовыхъ“, „Письма изъ Африки“ и другія, дѣйствительно талантливыя, произведенія Сенкевича совершенно неизвѣстны французской публикѣ, „Quo vadis?“ въ очень короткое время разошелся въ количествѣ 200,000 экземпляровъ. Теперь его тиражъ достигъ до полумилліона. И этотъ неудачный романъ считается во Франціи чуть не классическимъ произведеніемъ. Несомнѣнно, что этотъ колоссальный успѣхъ романа способствовалъ и успѣху оперы. Либретто, написанное извѣстнымъ драматургомъ Анри Кэнъ, составлено очень ловко и сценично. Дирекція муниципальнаго Опернаго театра не пожалѣла средствъ, чтобы обставить эту оперу возможно роскошнѣе. Пиръ, у Нерона, сцена въ циркѣ, смерть Петроніи — все это были великолѣпныя, роскошныя фрески, вызвавшія восторгъ и рукоплесканія зрителей. Превосходно была также обставлена артистическая сторона: хоры, оркестръ не оставляли желать ничего лучшаго. Главныя роли исполнялись такими первоклассными артистами какъ Перье, Мальвини, Севеліакъ, г-жи Валландри, Лафаргъ и наша соотечественница г-жа Труханова, танцовавшая почти въ костюмѣ Евы... Композиторъ этой оперы — Жакъ Нугесть; онъ еще очень молодой человѣкъ и, можетъ быть, дастъ намъ серьезное произведеніе, которое будетъ отмѣчено въ пестрой и литературъ музыки. Но „Quo Vadis?“ такъ же какъ и его первая опера „Chiquito“, шедшая въ Opera-Co-

mique, несмотря на шумный успѣхъ у толпы, казулъ весьма скоро въ Лету. Я не знаю, правъ ли музыкальный критикъ газеты „Le Temps“, знаменитый Лало, который пишетъ (цитирую дословно): „Jé ne crois pas que l'on nous ait jamais rien fait entendre d'aussi plat, d'aussi bas, d'aussi pauvrement pensé, d'aussi pauvrement pensé, d'aussi grossièrement écrit qu'est ce Quo Vadis?“. Но несомнѣнно, что музыка этой оперы совершенно бездарная. Ни слѣды, ни глубины, ни страсти: непрерывное стремленіе къ самымъ грубымъ эффектамъ; ничего личнаго. Нѣтъ даже того поверхностнаго жара и огня, который встрѣчается у современныхъ итальянскихъ композиторовъ; много шума, старья, затасканныя музыкальныя формулы, заимствованныя у другихъ композиторовъ. Пятдесятъ лѣтъ тому назадъ Берліозъ писалъ: „когда у музыканта нѣтъ идей; когда онъ не знаетъ ни гармоніи, ни контрапункта, ни инструментировки; когда у него нѣтъ ни вкуса, ни стыда, ни гордости, ни уваженія къ своему искусству, тогда говорятъ, что это музыкантъ для театра“.

Ничто не измѣнилось со времени Берліоза.

Но все это, повторяемъ, не помѣшало, и у публики опера „Quo vadis?“ имѣла большой, даже, можно сказать, колоссальный успѣхъ.

Такъ какъ мы говоримъ о парижскихъ театрахъ, имѣвшихъ за послѣднее время успѣхъ, то мы должны также упомянуть о новомъ спектаклѣ въ Пале-Рояль, гдѣ поставили очень милый и безпретенціозный водевилъ Антони Марса „La Révanche d'Eve“.

„La Révanche d'Eve“ — это то состояніе женщины, случающееся обыкновенно 5—6 лѣтъ послѣ замужества, когда въ ней пробуждаются, дремавшіе до сихъ поръ, инстинкты; это то состояніе, которое Октавъ Фелле называлъ „кризисомъ“.

Если въ этотъ критическій моментъ женщина встрѣчаетъ „змѣя“ и если змѣй хорошо знаетъ свое искусство соблазнителья, женщина падаетъ. Дельфина, жена знаменитаго доктора и очень мѣжнаго супруга Феррета, переживаетъ этотъ „кризисъ“. Молодой, жизнерадостный холостикъ Карделиакъ — „змѣй“ — соблазняетъ ее, и Дельфина непремѣнно сдѣлалась бы его любовницей, если бы послѣ безконечныхъ поревитій се не спасла бы ея мать, жена полковника Бразье.

Всѣ эти перепитіи происходятъ во II-мъ дѣйствіи въ неизбежной въ водевиляхъ холостой квартирѣ Карделиака:

кровать, диванъ, секретные шкафы, гостеприимные балконы, бѣгство черезъ окна, безчисленные *qui pro quo*; однимъ словомъ, все, какъ во всѣхъ водевиляхъ добраго стараго времени. Конечно, въ этой квартирѣ встрѣчаются всѣ дѣйствующія лица; и въ III д. въ загородномъ ресторанѣ все кончается къ общему благополучію. Этотъ забавный водеvilъ Антона Марса имѣетъ одну очень оригинальную черту—ни одна жена не измѣняетъ своему мужу; онѣ близки къ измѣнѣ, бродятъ на краю пропасти, но не падаютъ туда. Впрочемъ, одна измѣняетъ своему мужу и даже совершаетъ эту измѣну по-сלבдовательно со всѣми дѣйствующими лицами пьесы, но это—легкомысленная супруга-кокетка; и одинъ только ея мужъ—городовой—не знаетъ ея настоящей профессіи.

Большой успѣхъ имѣлъ также новый спектакль въ Одеонѣ, гдѣ поставили знаменитую пьесу Джакоза: „Какъ листья...“. Пьеса эта уже болѣе десяти лѣтъ хорошо извѣстна въ Россіи, а потому намъ на ней останавливаться не приходится.

Накопецъ, къ числу очень удачныхъ мы должны также отнести новый спектакль въ театрѣ Déjazet, гдѣ поставили 3-хъактный водеvilъ Муэди-Эона и Дюрэ „Le Para du Régiment“ (Отецъ полка). Это тоже веселый, безпретенціозный, „военный“ водеvilъ въ родѣ пресловутаго „l'ir au franc“, выдержавшаго 1600 представлений. „Le Para du Régiment“ врядъ ли будетъ имѣть такую фантастическую въ театральныхъ лѣтописяхъ карьеру, но пѣсколько сотъ представлений, несомнѣнно, выдержитъ.

И. В. Лебедевъ — атлетъ-любитель драматическаго искусства.

Шарль Андре'а.

До сихъ поръ мы говорили о пьесахъ, поставленныхъ за истекшую недѣлю и имѣвшихъ крупный успѣхъ. Но не всѣ театры были одинаково счастливы въ выборѣ своихъ новинокъ: въсколько спектаклей сопровождалось жестокимъ проваломъ.

Такъ, жестоко провалилась феерія въ 3-хъ д. и 20-ти картинахъ В. Дарлэ и А. Де-Торса „La Petite Capogale“, поставленная въ театрѣ Шатлэ. Театръ Шатлэсамый большой театръ Парижа; въ немъ 3500 мѣстъ. При обыкновенныхъ цѣнахъ онъ можетъ сдѣлать до 18.000—20.000 фр. сбора; при возвышенныхъ же—какъ это было во время Дягилевскихъ спектаклей Русской оперы—сборы доходили до 30.000 фр., а первое представленіе „Саломенъ“ Рихарда Штрауса дало 75.000 фр. Обычный вечеровой *расходъ* въ этомъ театрѣ доходить до 8—9000 фр. (3—3200 руб.). „La Petite Capogale“ на пятую, шестую представлѣніе давала уже всего двѣ-три тысячи франковъ сбора. И надо сказать правду, что этотъ провалъ вполне заслуженъ. Подобной „патріотической“ белиберды намъ еще не приходилось видѣть на сценѣ. И хотя на сценѣ появляется Наполеонъ и цѣлѣнница Первокиса, спасающая французскую армию при Маренго; и переходъ черезъ Сень-Бернаръ; и оперный залъ во время спектакля... но все это совершенно не связано между собою. Дѣтой, составляющей три четверти публичнаго Шатлэ эта исторія совершенно не интересуетъ; а родителямъ, ихъ сопровождающимъ, она кажется слишкомъ глупой... И подумать только, что Шатлэ отказалось ставить „Синнюю птицу“ Метерлинка.

Очень неудаченъ также новый спектакль въ театрѣ

„Nouveautés“, гдѣ поставили комедію Жоржа Дювали: „L'Article 301“. По этой статьѣ французскаго гражданскаго кодекса въ случаѣ развода мужъ обязанъ платить своей женѣ алименты „до тѣхъ поръ, пока она въ нихъ будетъ нуждаться“, т.-е. до тѣхъ поръ, пока она не выйдетъ замужъ за другого. Вотъ почему разведенная г-жа Шампрель предпочитаетъ оставаться любовницей г-на Бадюро и получать отъ своего ex-мужа алименты, чѣмъ вторично выйти замужъ. Въ такомъ же положеніи находится и разведенная г-жа Бадюро, которая до своего замужества была любовницей Шампреля. Исторія эта растянута на три дѣйствія, при чемъ вся пьеса заканчивается во второмъ. А третье дѣйствіе можно совершенно вычеркнуть, и пьеса отъ этого не измѣнится. Несмотря на превосходную, какъ всегда, игру артистовъ театра „Nouveautés“ съ Жерменомъ во главѣ, пьеса на генеральной репетиціи никакого успѣха не имѣла.

Но самый большой провалъ—это новая пьеса въ театрѣ Режанъ „Le Risque“ Ромэна Колюса. Но Колюсъ авторъ настолько интересный и, несмотря на жестокий провалъ, пьеса его настолько любопытна, что о ней слѣдуетъ поговорить подробно.

Корреспонденція моя и такъ уже очень затонулась, поэтому объ этой пьесѣ, равно какъ и о новыхъ спектакляхъ въ Gr. Guignolъ и въ театрѣ Мишель мы поговоримъ въ нашѣхъ ближайшемъ письмѣ.

В. А. Бинштокъ.

Письма изъ Кіева.

V.

Итоги первыхъ трехъ мѣсяцевъ театральнаго сезона въ Кіевѣ можно назвать блестящими ни въ художественномъ, ни въ матеріальномъ отношеніяхъ. Дѣла воздѣ были среднія. Въ художественномъ отношеніи выше всѣхъ кіевскихъ театровъ русская опера въ городскомъ театрѣ. Здѣсь, при серьезной постановкѣ дѣла вообще приходится отмѣтить цѣлый рядъ прекрасныхъ спектаклей. Съ большимъ успѣхомъ возобновили вагнеровскую „Валькирію“, и кіевляне продолжали наполнять театръ, заслушиваясь очаровательной музыкой перваго дѣя „Кольца Нибелунговъ“. Подъ талантивымъ управленіемъ maestro Пагани, старый „заслуженный“ кіевскій оркестръ съ изумительной тонкостью передаетъ всю философію и весь лиризмъ вагнеровскаго текста. Г-нъ Орѣшкеничъ въ главной партіи мастерски какъ въ драматическомъ, такъ и музыкальнымъ смыслахъ интерпретируетъ богатый, но необычайно трудный для передачи авторскій матеріалъ. Большой интересъ представлялъ „Гангеизеръ“, въ роли котораго пожалъ обильные завры драматическій тоноръ труппы г-нъ Каржевницъ. Красивый голосъ пѣвца звучитъ здѣсь прекрасно; вся роль проводится отъ начала до конца съ захватывающимъ лиризмомъ. Стильная по грѣ и безукоризненная по пѣнію Елизавета—г-жа Врунь. Очень хороши г. Каміонскій; онъ мастерски поетъ „Вечернюю Звѣзду“. Третьимъ интереснымъ спектаклемъ отмѣтимъ „Садко“, давшаго антрепріизъ случай блеснуть богатой стилией обстановкаю. На провинціальной сценѣ не приходилось видѣть ничего подобнаго. Желательно только избавиться отъ „серпантина“ въ подводномъ царствѣ, крайне неумѣстнаго и художественно раздражающаго въ сказочномъ антуражѣ русской былинны. Отъ такого хорошаго режиссера, какъ г. Боголюбовъ, трудно было ожидать такого faux pas. Говорятъ, что это заимствованіе сдѣлалъ у Саввы Ивановича Малютова; остается пожалѣть, что вмѣсто подражанія всему хорошему, сдѣланному С. И. Мамонтовымъ, предпочли повторить ошибку московскаго мецената. Но, помимо этого, вся постановка не оставляетъ желать ничего лучшаго: интересныя декорации г-на Эвембаха, стильные костюмы, бутафорія, прекрасные аксесуары и свѣтовые эффекты—все это вмѣстѣ взятое даетъ цѣльную, художественно законченную картину. Въ „Алеко“ блеснули своимъ могучимъ баритономъ г-нъ Макасовъ, слѣваши, кстати сказать, съ большимъ успѣхомъ прологъ въ „Паллахъ“ Леонкавалло. Большой діапазонъ голоса даетъ возможность пѣвцу чередоваться въ партіяхъ съ басами труппы; недавно онъ замѣнялъ г-на Босса, подписавшаго на будущій сезонъ контрактъ на Марининскую сцену, въ „Валькирію“ Вагнера. Предполагается его выходъ въ „Борисъ Годуновъ“, партію котораго теперь здѣсь, поетъ г-нъ Цесовичъ, обладатель прекраснаго, свѣжаго, могучаго баса. Въ ноябрѣ поставили комическую оперу г. Эспозито „Каморру“, написанную на сюжетъ комедіи С. И. Мамонтова. Духацкая комедія передѣлана въ трехактное либретто и въ такомъ видѣ представляетъ богатый матеріалъ для музыкальной интерпретаціи комическаго типа. Г-нъ Эспозито исполнилъ эту задачу весьма успѣшно, перешелъ слушателя на два часа въ остроумности Неаполи, съ его характерными пѣснями, серенадами и романсами подъ аккомпанементъ гитары и мандолины. Мѣстами иллюзія полная—вы видите предъ собою настоящихъ итальянскихъ бандитовъ и слышите зампражія неаполитанскіхъ „канцонъ“...

Оркестровка опера очень интересна; недурны сольные номера и дуэты, в их общем весь этот „пустычок“ смотрится с удовольствием. Публика охотно посещает представления „Каморры“. Г-н Орфшкенвичу удается создать здесь очень любопытную сценическую фигуру; его Джиджи, самый бойкий из всех членов „Каморры“, неподражаем. На оперной сцене редко приходится видеть такую игру, столько юмора и наблюдательности. Музыкальная часть роли не представляет, конечно, затруднений для пѣвца; серенаду онъ поетъ со всѣми характерными подробностями. Было бы еще лучше, если бы она исполнялась по-итальянски; тогда артист далъ бы полную платюзу. Неудачный „пикколо“ г-жа Шмид и еще слабѣе ея дублорша, г-жа Яковлева. Красиво поетъ баритонскую партію г. Каміонскій. Оркестръ ведетъ весьма успешно новый дирижеръ, г-нъ Опель, приглашенный на мѣсто третьяго капельмейстера. Г-нъ Опель дебютировалъ „Травиатой“ и, несмотря на некоторую неуверенность, проявилъ музыкальность и хороший вкус. Бенефисовъ пока состоялось два: гг. Орфшкенвича („Садко“) и Каржевнина („Сельская Честь“ и „Панцы“). Оба бенефиса прошли съ аншлагами при бенефисныхъ цѣнахъ. Объявлены бенефисы г-жи Валицкой („Пиковая дама“) и Гушовой („Миньонка“). Роль Лизы одна изъ лучшихъ въ репертуарѣ г-жи Валицкой, обладательницы сильного драматического сопрано обширнаго діапазона („Тангейзеръ“, „Гугеноты“, „Валькирия“, Евгенийъ Онегинъ“). Г-жа Гушова, пѣвица хорошей школы, съ отчетливой дикціей и отлочно звучащимъ голосомъ. Въ „Вертерѣ“ она музыкально пѣла, но слабо играла Шарлотту. Изъ ближайшихъ новинокъ для Кіева представляютъ особенный интересъ общепіиный на яшиаръ „Зигфридъ“ Вагнера съ г. Каржевнинымъ въ заглавной роли. Иойдетъ еще „Мефистофель“ Бойто и „Долина“ Евгения Д'Альбера, симфоніаго паниста, написавшаго оперу на сюжетъ „Feodalism'a“, въ которомъ имѣлъ шумный успѣхъ итальянскій трагикъ де-Грассо.

Въ общемъ, въ три мѣсяца (сентябрь—ноябрь) поставлено 28 оперъ: „Жизнь за Царя“ (4 раза), „Африканка“ (2), „Онегинъ“ (6), „Аида“ (4), „Борисъ Годуновъ“ (4), „Гугеноты“ (3), „Демонъ“ (5), „Травиата“ (6), „Пиковая дама“ (6), „Русалка“ (2), „Хованщина“ (9), „Мазепа“ (4), „Фаустъ“ (6), „Дубровский“ (4), „Сказка Гофмана“ (3), „Галка“ (1), „Валькирия“ (5), „Садко“ (7), „Карменъ“ (3), „Царь Салтанъ“ (2), „Синдриллона“ (2), „Тангейзеръ“ (5), „Севильскій цирюльникъ“ (3), „Князь Игорь“ (2), „Ромео и Джульетта“ (2), „Сельская честь“ (1), „Панцы“ (1) и „Каморра“ (1). Всего за этотъ періодъ дано 102 спектакля; взято на кругъ около 1200 рублей за спектакль. На праздникахъ для дѣтей возобновляютъ „Сингурочку“ Римскаго.

Я. Майскій.

Письма изъ Ростова на Доку.

Два мѣсяца едва прошли съ моего послѣдняго письма о театальной жизни Ростова, а какъ много измѣненій произошло даже во внѣшности ея. Тогда сцена была здѣсь представлена всего двумя театрами и только драмой, теперь же драмой, малороссамъ и опереткой; кромѣ того какъ новинки уже изъ разряда зрѣлищъ, — скучаетъ по публикѣ панорама „Голофа“ и бойко торгуетъ циркъ съ человѣкоподобными слонами и слоноподобными людьми (борцами).

Заваяла, не расцвѣтая, рахитичная драма г. Сѣрова, даже ужъ слишкомъ поспѣшавъ исполненіемъ моего печальнаго предсказанія. Но если въ общедоступномъ театрѣ мнѣ удалось по первымъ же спектаклямъ разглядѣть начало конца, то, каюсь, ошибся и, предсказывая „несомнѣнный успѣхъ“ Н. И. Соболевскому-Самарину. И здѣсь тайное стало явнымъ, но нѣсколько позже и только теперь физиономія, настоящая, незагримированная ни „драматическимъ ансамблемъ“, ни „дорогостоящими постановками“ физиономія дѣла опредѣлительно окончательна. Впрочемъ оговорюсь окончательно не значитъ безповоротно и пишу я сейчасъ въ тайной надеждѣ повліять на измѣненіе курса.

Касса театра не можетъ, правда, пожаловаться на невниманіе публики; дѣла въ смыслѣ сборовъ, пожалуй скорѣи хороши, но интересъ къ театру въ публикѣ замѣтно падаетъ; зрительный залъ драмы не пустуетъ только потому, что онъ единственный въ такомъ большомъ городѣ; но онъ, какъ скучно въ немъ въ этомъ уютномъ залѣ. Нѣтъ интереса, любви къ театру въ публикѣ, потому что нѣтъ ихъ тамъ, откуда они передаются по сю сторону рампы, — за кулисами, въ „хозяйскомъ“ и режиссерскомъ кабинетахъ. Въ пресловутомъ „ансамблѣ“ отсутствуетъ то обязательное для него начало, безъ котораго онъ пустой звукъ, рекламное слово — живой, творческій, объединяющій духъ. Ансамбль этотъ чувствуется развѣ лишь въ деспотическомъ игнорированіи актерской индивидуальности. Репертуаромъ завѣдуетъ кассиръ: „Анатѣма“, „Аида“, „Сѣверные Богатыри“, „Холопы“, „Скандалъ“ чередуются съ такими перлами базарной мануфактуры, какъ „Дѣти XX вѣка“, „Дорога въ Адъ“, „Бѣлые Вороны“

Кіевъ. Городской театр. Антреприза С. В. Брыкина.

„Каморра“ опера г. Эспозито.

Декорация С. М. Эвенбаха.

и просто «Кабарэ». Общее скверное отношеніе къ дѣлу администраціи особенно ярко выразилось въ постановкѣ послѣдней новинки: «Бѣлые Вороны». Рядъ самыхъ безстыдныхъ подчеркиваній рискованныхъ мѣстъ, исковеркалъ для этой цѣли и безъ того уродливый автографъ. Такъ, напримѣръ, первый актъ кончаютъ совершенно въ духѣ Шницлеровскаго «Хоровода»; декорация третьяго акта (публичный домъ) представляетъ собой рядъ панно съ грубо намалеванными нагими женщинами въ натуральную величину и съ живыми картинами изъ «Жертовъ» въ ультра-греческихъ нарядахъ.

Доминирующее въ дѣлѣ начало коммерціи протиступаетъ и исполненіе ролей артистами. Въ погонѣ за ласками публики, за дешеными аплодисментами райка развязно до напѣренности игнорируется художественная правда авторскаго замысла. Самъ г. Соболевскій-Самаринъ все свое недолжное дарованіе безжалостно мнетъ въ творствѣ всякихъ фортелей; не играетъ, а раздѣлываетъ роль подъ орѣхъ. Г. Муромцевъ—неистовый Роландъ провинціализма—что называется грызетъ кулисы; если ему нужно по пьесѣ сказать: «теперь я могу свободно выпить стаканъ чаю», то съ это «свободно» произнесетъ не иначе, какъ въ позѣ тенора изъ «Вампики». Часть меньшей братіи послушно идетъ, поддѣлывается подъ тонъ этихъ столбовъ труппы. Совершенно въ сторонѣ отъ этого теченія держатся, лидеры меньшинства, два другихъ опредѣленно-крупныхъ и симпатичныхъ дарованій—г-жа Писарева и г. Рыбниковъ. Объединяетъ ихъ въ исполненіи какая-то солнечная чистота, какая-то любовью проникнутая простота его. Думается, глядя на нихъ, что не только говорятъ они свои слова, но и думаютъ ими, переживаютъ ихъ сердцемъ. Оба артиста постепенно, но прочно завоевываютъ симпатіи публики.

Такая раздвоенность въ тогѣ игры главныхъ силъ труппы конечно уже сама по себѣ, помимо отсутствія режиссуры, не можетъ обещать той гармоніи въ исполненіи, которую имѣлъ въ виду «драматическій ансамбль». Пока у насъ, къ сожалѣнію, не только его нѣтъ, — нѣтъ даже просто дружной интересной драмы. — Есть нѣсколько даровитыхъ симпатичныхъ артистовъ, и то частью затертыхъ этимъ рекламнымъ жупеломъ.

Николаевъ.

Провищія.

Вологда. (Отъ нашего корреспондента.) Въ первой своей корреспонденціи мы познакомили читателей о состояніи труппы—зимняго сезона—антреприза Вяхерева и Орлова. Теперь подѣлимся 2-мѣсячнымъ впечатлѣніемъ. Репертуаръ—смѣшанный получше и чище прошлагодняго; съ 1 октября по 1-е ноября прошли: „Игра въ любовь“, „Дѣти Ванюшина“ (утрен.). „Ивановъ“, „Два міра“ (уменьш.), „Женитьба Бѣлугина“ (утр.). „Жизнь Илимova“ (2), „Шелковичные черви“ „Обрывъ“, (2-й разъ утрен.), „Родина“ (уменьш.), „Ома Гордѣвъ“ (утр.), „Освобожденные рабы“ (2 р.), „Дни нашей жизни“, „Царь Природы“. Братья Карамазовы (утр.), „Живой товаръ“, „Оксана зозуля“, „Перекаты“, „Власть тьмы“ (уменьш.), „Вторая молодость“ (утрен.), „Бѣлые вороны“, „Балерина“, „Обломовъ“, „Генеральша Матрена“ (уменьш.); всего 24 спектакля, такъ какъ играютъ 5 разъ въ недѣлю, изъ нихъ въ

воскресенья и въ небольшіе праздники — ставить еще утренники, а по пятницамъ — по уменьшеннымъ цѣнамъ отъ 7 коп. — до 60 коп. За первый мѣсяцъ взято 4546 руб., что для Вологды очень хорошо. Второй мѣсяцъ хуже.

Г. Екатеринбургъ. О. П. Зарайская вошла въ соглашеніе съ Н. И. Соболевичевымъ-Самаринымъ и съ будущаго зимняго сезона переноситъ свою антрепренерскую дѣятельность въ Ростовъ н/Д. (театръ Асмолова). Премьеромъ приглашенъ артистъ Н. Н. Васильевъ.

Астрахань.

Долинъ.

Кіевъ. Въ пользу Театрального Общества устроили въ театрѣ Соловцова спектакль, а послѣ спектакля „варьетъ“ — при участіи артистовъ оперы, драмы и оперетты. Билеты на спектакль и „варьетъ“ продавались отдѣльно, такъ что лица, желавшія видѣть оба представленія, принуждены были брать два билета. Валовой сборъ достигъ суммы около 6.000 руб. Окончилось „варьетъ“ въ пятомъ часу утра, такъ что большинство публики просидѣло въ театрѣ около девяти часовъ. Шла „Нѣмая жена“ Анатоля Франса, водевилъ „На узелки“ и оперетта „Чайный цвѣтокъ“. Все это было сыграно крайне слабо.

Въ 12-мъ часу приступили къ „оригинальному“ дивертисменту. Обидно было видѣть, какъ серьезные актеры паясничаютъ и дурачатся, чтобы дешеваго сорта трюками привлечь публику въ театр. Устроители вечера, очевидно, не сообразили, что съ пятью труппами, участвовавшими въ спектакль, можно сдѣлать полный сборъ, не прибѣгая къ имитациямъ клоуновъ, кекъ-уокамъ, чревовѣщаніямъ и тому подобной дребедени...

— Артистъ Кручининскаго театра г-нъ Мурскій подписалъ на будущій сезонъ контрактъ къ г. Дувану-Торцеву. Г-нъ Блюменталь-Тамаринъ остается у г. Кручинина. Кромѣ г. Мурскаго къ г. Дувану-Торцеву кончили на будущій годъ: г-жи Дарьяль, Чаруская и Токарева; съ остальными ведутся переговоры.

— На мѣсто И. О. Палицына, перешедшаго въ оперу С. И. Зимины, вторымъ капельмейстеромъ Городскаго театра приглашенъ Л. П. Штейнбергъ.

Въ Городскомъ театрѣ возобновили контракты на будущій годъ: г-жа Брунъ и гг. Каржевннъ, Каміонскій и Макасовъ. Басъ г-нъ Боссъ переходитъ на Императорскую сцену въ С.-Петербургъ.

— А. Д. Вальцева взяла по возвышеннымъ цѣнамъ полный сборъ.

— Въ циркѣ П. С. Крутикова состоялись съ благотворительною цѣлью два концерта тенора Маринскаго театра Д. А. Смирнова. Артистъ имѣлъ шумный успѣхъ.

— Въ комической оперѣ М. Е. Медвѣдева поставили въ бенефисъ капельмейстера г-на Маргуляна „Разведенную жену“ Лео Фалла. Успѣхъ средній, въ виду отсутствія примадонны. Недавно съ успѣхомъ прошелъ здѣсь бенефисъ г-жи Менцеръ. Шли актъ изъ „Фауста“ Гуно и „Цыганскій баронъ“ Штраусса.

— Въ театрѣ Грамотности у малороссовъ сборы хорошіе. Наибольшимъ успѣхомъ попрежнему пользуется г. Садовскій.

Кременчугъ. (Отъ нашего корреспондента). Сборы немного поднялись. 2 хорошихъ сбора дала „Анфиса“. Постановка этой пьесы была хорошая. Впечатлѣніе хорошей срепетовки. Изъ артистовъ выдѣлялась г-жа Доричъ — хорошая Анфиса. Недурная Ниночка — г-жа Баскакова. Нехороша была въ роли Александры Павловны — г-жа Арцимовичъ. Неложное представленіе о Костомаровѣ далъ г. Орловъ. Не по себѣ было г. Дымскому въ роли Татарнинова. Недурной Розенталь — г. Островскій. Хороши были гг. Лихтеръ — Аносовъ и Каблукъ — Петя.

А вотъ гдѣ наши артисты чувствуютъ себя какъ дома —

это въ „Звѣздѣ нравственности“. Даже г-жа Арцимовичъ, и та здѣсь была недурна. А г. Островскій далъ великолѣпный типъ банкира.

Для своего юбилея 24—Х г-жа Баскакова избрала трагедію „Вампиръ“, въ которой бенефициантка играла Лулу.

Это было рисковано, ибо роль Лулу очень трудная. Многое еще зависитъ отъ партнеровъ. А партнеры у г-жи Баскаковой были такіе, что не только не давали тона бенефицианткѣ, но прямо сбивали ее съ тона. И все же г-жа Баскакова хорошо справились съ этой трудною ролью.

Къ сожалѣнію въ послѣднемъ актѣ случился маленький печальный эпизодъ, благодаря которому нѣкоторыя сильныя мѣста въ этомъ актѣ пропали: револьверъ, которымъ Лулу должна застрѣлить д-ра Шена, не дѣйствовалъ. Она долго мучилась, пока, наконецъ, схватила ножъ и убила имъ своего партнера.

Бенефисъ любимицы кременчужанъ привлекъ много публики. Бенефицианткѣ были поднесены подарки.

Не давшая въ прошломъ году въ зимнемъ театрѣ никакого сбора, поставленная 25-го въ Народной аудиторіи общедоступнымъ спектаклемъ, „Ню“ Димова дала приличный сборъ. Въ заглавной роли была хороша г-жа Баскакова.

Послѣдняя въ эту недѣлю въ три вечера подъ рядъ удостоила насъ тремя лучшими въ ея репертуарѣ ролями: Марейники въ „Обрывѣ“, Лулу и Ню.

Совсѣмъ не надо было, по-моему, ставить у насъ „Бѣлой Кости“.

Кѣмъ-то былъ выпущенъ слухъ, что въ Кременчугъ прїѣзжаетъ на три гастролы г-жа Комиссаржевская. Слухъ этотъ быстро разнесся по городу. И многихъ озаиривъ лучъ надежды увидѣть у себя русское солнце. Но къ сожалѣнію, слухъ оказался ложнымъ.

М. Кацъ.

Николаевъ. (Отъ нашего корреспондента). Рядъ пьесъ прошедшихъ за послѣднія три недѣли, не блистаетъ ни новинками, ни постановкой. Изъ новыхъ пьесъ прошли: „Сатана“ Гордина (4 раза), „Осель Буридана“ (2 раза) и „Анфиса“ (2 раза). Первое представленіе „Анфисы“ шло съ аншлагомъ.

Анфису играла г-жа Стопорина, играла хорошо, давая много интересныхъ моментовъ. Можно сказать, что это первая роль, которую у насъ г-жа Стопорина проводитъ очень интересно и сильно. Отдавая должную дань таланту и способностямъ г-жи Стопориной, какъ героини, кажется непонятнымъ ея желаніе играть всѣ хорошія роли. Г-жа Стопорина играетъ въ „Осель Буридана“ Мишлину, роль чистѣйшей энженю, играетъ хорошо, какъ играетъ каждую роль, но не даетъ образа Мишлины-дѣвочки, въ то время какъ въ труппѣ имѣется г-жа Пиваровичъ, очень способная энженю, которая, несмотря на всѣ симпатіи публики, играетъ очень рѣдко и должна была обязательно играть Мишлину. „Осель Буридана“ прошла у насъ подъ непрерывный хохотъ публики, любящей иногда и легкую французскую комедію. Петипа-Викторъ (Жоржъ Булленъ) имѣлъ и въ этой роли обычный успѣхъ, которымъ публика начинаетъ его даже баловать. Но, по справедливости, артистъ онъ очень разнообразный.

„Сатана“ проходитъ у насъ съ большимъ ансамблемъ. Всѣ безъ исключенія хорошо играютъ въ этой пьесѣ, и г. Покровскій (Лейзеръ-Бадхенъ) выше всякихъ похвалъ. Эту роль онъ проводитъ художественно. Очень хороша г-жа Пиваровичъ (Ципеню), г. Никудинъ (Хацкель Драхмъ).

Г. Людвиговъ прекрасно сыгралъ „Прокурора“. На-дняхъ исполнился 35-тилѣтній юбилей его сценической дѣятельности. Несмотря на извѣстность пріобрѣтенную, Л. К. Людвиговымъ въ театальной Россіи, онъ предпочелъ уклониться отъ чествованія его юбилея.

Г. Л. Германъ.

Смоленскъ. (Отъ нашего корреспондента). Театральный сезонъ въ полномъ разгарѣ. Труппа Народнаго дома старается знакомить смоленскую публику со всѣми драматическими новинками и „ходкими“ пьесами. Изъ категорій первыхъ были поставлены: „Анфиса“ и „Обыватели“. Ко второй категоріи можно отнести постановку „Джентельмена“ — Сумбатова. Изъ старыхъ пьесъ, за отчетный періодъ, пришлось увидать пьесы самыхъ различныхъ направленій, — были поставлены: „Камо грядеши“, „Горь отъ ума“, „Преступленіе и наказаніе“ и даже „Шерлокъ Холмсъ“.

Къ постановкѣ пьесъ дирекція и члены труппы относятся, какъ и раньше, очень добросовѣстно. Нужно отдать справедливость, что общій тонъ дѣла вполне „культурный“.

Андреевская „Анфиса“, несмотря на хорошую игру г-жъ Лиръ, Борцовой и гг. Дубова, Кара-Курбатова, Тинскаго и Логинова, публикѣ не понравилась.

Хорошо были сыграны „Обыватели“ — Рышкова.

Роль Вѣры Павловны, главнаго дѣйствующаго лица этой пьесы, была очень искренно и правильно проведена г-жей Лиръ. Вообще, эта артистка въ цѣломъ рядѣ пьесъ показала себя чуткой исполнительницей.

Всегда интересно бываетъ исполненіе ролей г-жей

Востоковой; въ артисткѣ масса темперамента и неподдѣльной „жизни“ на сценѣ. Эти двѣ артистки—лучшія представительницы молодого поколѣнія труппы. Г-жи Борцова и Сильвина Томская, какъ мною уже было сказано, артистки съ болѣе продолжительнымъ прошлымъ, почему и требованія къ нимъ предъявляются болѣе строгія.

Нельзя не отмѣтить всегда умнаго и чуткаго г. Логинова; хотѣлось бы, правда, немного меньше „такта“ и немного болѣе темперамента.

Г. Дмитрій-Тинскій—артистъ съ дарованіемъ, но нѣсколько не установившійся.

Г. Кара-Курбатовъ зарекомендовалъ себя советомъ „опредѣленно“, выборомъ фарса Нальскаго „Весь въ папашу“, для своего бенефиса.

Фарсъ былъ сыгранъ плохо, исполнители себя въ немъ плохо чувствовали.

Появленіе такихъ „бенефисовъ“ врядъ ли можно привѣтствовать на приличной сценѣ. Г-нъ Зимовой, артистъ съ большимъ сценическимъ опытомъ, ведетъ всѣ свои роли, къ сожалѣнію, въ одномъ тонѣ. Удалась артисту роль Мармеладова въ „Преступленіи и наказаніи“ и абсолютно пропала роль Нерона въ „Камо грядеши“.

Мѣстное общество народныхъ университетовъ старается устраивать при участіи мѣстныхъ и пріѣзжихъ силъ цѣлый рядъ интересныхъ лекцій. Первой прошла лекція московскаго лектора Сергѣя Глаголя на тему „Исканія современнаго театра“.

Образовавшийся на этихъ дняхъ демократическій клубъ „Общедоступныхъ развлеченій“ пользуется большою популярностью. Въ составъ его членовъ уже входитъ около 300 человекъ самыхъ различныхъ профессій и положеній. При содѣйствіи мѣстнаго „Общества любителей изящныхъ искусствъ“, клубъ этотъ организуетъ рядъ лекцій и спектаклей.

Спектакли эти, не всегда безупречны въ смыслъ технического выполненія, но заслуживаютъ полнѣйшаго одобренія какъ по замыслу, такъ и по отношенію гг. любителей къ своей задачѣ.

Устраиваемые мѣстнымъ обществомъ симфонической му-

зыки концерты проходятъ съ большимъ успѣхомъ, благодаря участію въ нихъ любительницы г-жи Гейеръ, обладающей очень красивымъ голосомъ, равно какъ и энергіи г. Гарбузова, организатора и дирижера оркестра.

Б. Г.—чѣ.

Тамбовъ. (Отъ нашего корреспондента). Развлеченій—хоть отбавляй. Два театра, три клуба съ постоянными танцевальными вечерами и демонстраціей биоскоповъ, театр „Илюзіонъ“, дворянское собраніе и музыкальное училище съ концертантами, рестораны съ румынскими оркестрами и проч.

Вотъ итоги протекшаго времени. Драма князя Погуляева (пріотившаяся въ театрѣ Пикулина) при конкуренціи оперетки А. А. Левицкаго дѣлаетъ неважную дѣла. Были часто спектакли, дававшіе 18—35 руб., это при боевомъ репертуарѣ и приличномъ, сравнительно, ансамблѣ.

Хорошій сборъ дали—трилогія А. Толстого, при увеличенныхъ цѣнахъ (одинъ билетъ, взятый на трилогію А. Толстого, былъ дѣйствителенъ на всѣ три вечернихъ спектакля).

„Анатэма“ прошелъ три раза, два почти при полныхъ сборахъ. Объяснены гастролы бр. Адельгеймъ съ своей труппой. Успѣхомъ пользуются: Л. Карташева (героиня), Ю. Славская (въ особ. въ фарсахъ съ раздѣваніемъ), г. Мартини (герой любви), В. Пономаревъ (резонеръ) и еще 2—3, остальные,—неопытная молодежь, но, подл. режиссерствомъ г. Боярова, достигаютъ извѣстнаго ансамбля. Слабъ г. Млѣвъ (2-й любовн. и протакъ, съ трескомъ провалилъ даже такой водевилъ, какъ „Голодный Донъ-Жуанъ“). Похвалы заслуживаютъ прекрасныя декорации работы художника И. И. Маркевича.

В. Бр.—кій.

Харьковъ. Къ Н. Н. Синельникову на будущій сезонъ подписали бывшіе артисты Спб. Малаго театра—г-жа Яблочкина и г. Баратовъ.

Редакторъ-Издатель Л. Г. Мунштейнъ (Lolo).

ИСТЫЕ ЗНАТОКИ
И ЦѢНИТЕЛИ
ПРЕПОЧИТАЮТЪ

ИРРУА

Сладкое — ИРРУА-КАПРИЗЪ, — DEMI-SEC
Средней слад. — ИРРУА-ГРАНЪ ГАЛА, — SEC,
Мало сладкое — ИРРУА-АМЕРИКЕНЪ, — SEC, EXTRA
Безъ сладости — ИРРУА-БРЮТЪ. — TRÈS SEC

IRROY

ШАМПАНСКОЕ
ПРИЗНАННОЕ
НАИЛУЧШИМЪ

НА
1910
ГОДЪ

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
на еженедѣльный театральный богато иллюстрированный журналъ
РАМПА и ЖИЗНЬ

подъ редакціей

НА
1910
ГОДЪ
Л. Г. Мунштейнъ
(Lolo).

БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ ДЛЯ ГОДОВЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:

ЖРЕЦЫ и ЖРИЦЫ ИСКУССТВА

(словарь сценическихъ дѣятелей) въ стихахъ Lolo, съ портретами и шаржами Andr'a, И. Милутина, Д. Медникова и друг. Самая широкая освѣдомленность. ❖ Снимки и зарисовки всѣхъ интересныхъ постановокъ иностранныхъ и русскихъ сценъ. ❖ Эскизы для грима и декораций. ❖ Портреты сценич. дѣятелей. ❖ Спец. фотографія всѣхъ новинокъ Художественнаго театра. ❖ Карикатуры на театральныя злобы дня.

ОБШИРНЫЙ ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

52

большихъ портрета (на обложкѣ) артистовъ, писателей, композиторовъ и художниковъ, болѣе 1000 снимковъ, зарисовокъ, шаржей, карикатуръ и проч.

52

Собственные корреспонденты во всѣхъ западно-европейскихъ театральныхъ центрахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

съ доставкой и пересылк.: годъ—6 руб., полгода—3 р. 50 к., 3 мѣс.—1 р. 75 к., 1 мѣс.—60 к.; за границу—вдвое. Объявленіе впереди текста 75 коп., позади 50 коп. строка петиго.

Главная контора журнала: Москва, Бронная, Вольш. Козихинскій пер., д. Мясникова. Тел. 258-25.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ также у Н. И. Печковской (Петровскія линіи), въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Н. О. Вольфа и др. ❖ Розничная продажа журнала „РАМПА и ЖИЗНЬ“, кромѣ Москвы, производится: въ Петербургъ,—Невскій пассажъ, газетный кіоскъ; въ Одессѣ—кіоски Альтшудера; въ Кіевѣ—книжн. маг. Л. Идзиковскаго; въ Саратовѣ—книжн. маг. Суворина; въ Твери—кіоскъ Коротѣва; въ Казани—у О. П. Коломенскаго и въ маг. „Восточная Лира“; въ Елисаветградѣ—у Д. Закася; въ Пятигорскѣ—у А. П. Чайкина; въ Черкасахъ—у Х. Сковоскаго; въ Смоленскѣ—книжн. маг. Лобкина; въ Симбирскѣ—у Гладкова; въ Елисаветградѣ—книжн. кіоскъ; въ Владивостокѣ—газетн. аген. „Польза“; въ Житомирѣ—театр. библ. Ваксеръ; въ Нижнемъ-Новгородѣ—муз. маг. „Аккордъ“.

ОБЩАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ КАССА.
Петровскія линіи, № 7. Телефоны 207-89 и 156-35.

ОТКРЫТЫ агентами масов: Мясницкая, д. Литошнеров. Берлинский пшечб. магаз., тел. 80-58; Болюш. Полянка, д. Феррейнт, магаз. Кулакова, тел. 206-78; Арбатъ, д. № 52, аптекарск. магаз. Орлова, тел. 94-50; Тверская, ул., уг. Грушинской ул. магаз. Каледкина, тел. 157-60; Таганка, д. Чижова, магаз. Блотх. Продажа билетовъ въ театры: Зимица, Морша, Незлобина, Театръ Лебедева и др.